

ТУРЦІЯ,

ЕЯ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ЕЯ АРМІИ ВО ВРЕМЯ ВОСТОЧНОЙ ВОИНЫ (*).

I.

КАМПАНИЯ ВЪ АРМЕНИИ.

Papers relatives to military affairs in Asiatic Turkey and the Defense and Capitulation of Kars, presented to both houses of parliament by command of her majesty. London, 1856.

Исторію послѣднихъ войнъ всего чаще разсматриваютъ въ стратегическомъ отношеніи. Конечно, она выходитъ нѣсколько односторонняя; но если отбросить техническую ея часть и изучать ее въ отношеніи къ обществу, то она будетъ обильна свѣдѣніями самаго общаго интереса. Война, приводя въ дѣйствіа всѣ живыя силы народа, обнаруживаетъ не только дѣйствительное достоинство военной организаціи его, но и духъ его политическихъ учрежденій и его матеріальныя силы; ею оцѣнивается степень умственнаго развитія народа, его обязанности, промышленность,—словомъ, оцѣниваются условія гражданственнаго существованія народа. Наблюдать все это во время мира значитъ наблюдать природу во время ея спокойствія.

(*) Revue des deux Mondes, 13 mai et 1 juin 1860. Saint-Priest, duc d'Almazan.

Съ этой точки зрѣнія, участіе, принятое Турками въ Восточной войнѣ, вполне заслуживаетъ нашего вниманія. Конечно, участіе ихъ не имѣло дѣйствительнаго вліянія на событія этого времени; но оно позволяетъ намъ изслѣдовать положеніе Оттоманской имперіи при концѣ одного изъ такихъ переворотовъ, которые иногда даютъ новую жизнь, а иногда истощаютъ послѣднія силы.

Можно считать, что къ концу 1853 года окончательно выполнилось все, чего такъ усердно добивался султанъ Махмудъ въ продолженіе своего царствованія. Древняя военная организація, данная первыми завоевателями, была вполне разрушена: спаги и янычары, составлявшіе ея основаніе, лишились своихъ привилегій и своего господства; законъ, писанный саблею, уступилъ мѣсто болѣе научнымъ и болѣе сложнымъ государственнымъ учрежденіямъ, заимствованнымъ у передовой цивилизаціи; новыя учрежденія были приняты безъ сопротивленія, и пламенные умы уже видѣли въ нихъ возрожденіе Турціи. Но махмудовымъ дѣламъ оставалось выдержать послѣднюю пробу: войнѣ оставалось выказать, сквозь слой поддѣльной цивилизаціи, пороки, подрывавшіе существованіе имперіи въ продолженіе вѣковъ.

Въ настоящее время, положеніе Турціи никого не обманетъ, развѣ только того, у кого мысли совершенно перепутаны пристрастными публикаціями, наводнявшими Европу, въ продолженіе Восточной войны. Тогда говорили только одни поклонники Турціи; они не раскрывали намъ бѣдствіе и позоръ нашихъ союзниковъ, а показывали ихъ, даже въ несчастіи, достойными нашей полной симпатіи за свои мужественныя доблести, полученные ими по наслѣдству. Не держали ли они въ страхѣ русскую армію на Дунаѣ въ продолженіе шести мѣсяцевъ? Не одерживали ли они побѣдъ въ кровавыхъ схваткахъ, гдѣ дрались одинъ противъ четырехъ? Европейская печать принимала съ восторгомъ и передавала довѣрчивымъ читателямъ эти и еще многія другія сказки, созданныя воображеніемъ Турокъ во время войны, и сказки эти незамѣтно почти прослыли за историческія истины.

Если мы захотимъ вѣрно представить себѣ Турцію, ея правительство и ея армію, надо, оставивъ въ сторонѣ берега Дуная, гдѣ Турки одерживали мнимые успѣхи, обратить вниманіе на войну въ Азіи, окончившуюся сдачею Карса. Обстоятельства этой войны почти не замѣчены во Франціи; но по другую сто-

рону пролива они были предметомъ живаго интереса, объясняемаго безпокойною ревностію Англичанъ относительно всего, что касается ихъ преобладанія въ Азіи. Въ Англіи, паденіе Карса произвело глубокое впечатлѣніе, за которымъ вскорѣ послѣдовали укоры правительству, и министерство сочло долгомъ отвѣчать на нихъ опубликованіемъ своей переписки съ лордомъ Стратфордомъ-Ретклифъ, съ полковникомъ Вилліамсомъ и съ офицерами, управлявшими обороною Карса. Эта переписка сообщаетъ мельчайшія подробности о военной организаціи турецкой арміи и даетъ возможность добраться до начальныхъ причинъ бѣдствій, ею испытанныхъ въ Азіи. Во всякой странѣ, качества арміи вполнѣ зависятъ отъ учрежденій этой страны. Итакъ, неопровержимыя доказательства свидѣтельствуютъ, что политическое и военное устройство Оттоманской имперіи глубоко страдаетъ отъ общей порчи нравовъ и все государство дошло до послѣдней степени разложенія. Мы уже замѣчаемъ, что занавѣсъ раздирается и Турція является во всемъ своемъ позорѣ и хилости.

Въ половинѣ 1854 года, лордъ Кларендонъ, встревоженный свѣдѣніями, получаемыми имъ изъ Азіи, рѣшился послать въ Карсъ артиллерійскаго полковника Вилліамса. Инструкціи, данныя ему, предписывали сообщать правительству свѣдѣнія о положеніи Турокъ и стараться прекратить всевозможные безпорядки, которые, судя по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ англійскимъ посланникомъ въ Константинополь, грозили не только уничтожить всю армію въ Азіи, но грозили и самому господству султана. Эти свѣдѣнія были совершенно вѣрны. Когда полковникъ Вилліамсъ пріѣхалъ къ своему назначенію, карсская армія существовала только по имени; безопасность правительства, варварское невѣжество и безстыдная алчность генераловъ, безчинство, пьянство, возмутительная гнусность офицеровъ служили источникомъ длиннаго ряда бѣдствій ея. Всѣ роды службы были разстроены, магазины истощены, кассы пусты, страна раззорена, солдаты въ величайшей нищетѣ и дезертировали тысячами; Карсу предстояло оставаться безъ защитниковъ. Эта важная крѣпость, попавши въ руки Русскихъ, открывала имъ дорогу до самыхъ береговъ Босфора, такъ какъ Малая Азія была совершенно лишена защиты. Турки знали это; но крайнее усиліе, сдѣланное ими для войны съ Россією, окончательно истощило

ихъ. Правительственная машина, худо ли, хорошо ли, но дѣйствовавшая во время мира, остановилась сразу; весь народъ впалъ въ оцѣпенѣніе, близкое къ совершенному паденію нравственныхъ силъ.

Турція сама по себѣ, въ столь критическую минуту, осталась беззащитною; за то Англія бодрствовала надъ нею. Вѣрная союзница, въ эту минуту, не могла помочь матеріальнымъ образомъ; но она имѣла людей, которые для государства стоютъ арміи. Лордъ Стратфордъ въ Константинополѣ и полковникъ Вилліамсъ въ Карсѣ, единственно силою своей воли, поддержали послѣдніе признаки жизни разрушающейся Турціи.

Полковникъ Вилліамсъ есть типъ энергической англо-саксонской породы, которой предназначено, кажется, господствовать всюду. Одинъ среди варварскихъ народовъ, онъ не колеблется принять въ свои руки управленіе страной. Для восстановленія дисциплины въ арміи и порядка въ управленіи, онъ принужденъ вступить въ открытую борьбу съ уродливымъ обществомъ. Его неумолимая строгость скоро обращаетъ на него ненависть генераловъ, губернаторовъ, правителей финансами и всякаго рода чиновниковъ, жадныхъ грабителей страны. Раздраженный препятствіями, поставляемыми ему этими презрѣнными людьми, онъ доноситъ на нихъ дивану, арестуетъ ихъ и подъ надежнымъ конвоемъ отправляетъ въ Константинополь къ отвѣту. Подобными мѣрами онъ добился повиновенія; сдѣлавшись тогда хозяиномъ въ странѣ, онъ распоряжается всѣмъ и является душою обороны края. Все трепещетъ передъ нимъ при имени лорда Стратфорда, потому что всѣ знаютъ, что лордъ Стратфордъ, въ свою очередь, заставляетъ трепетать диванъ. Онъ говоритъ отъ имени Англіи, а языкъ этой державы—тотъ жесткій языкъ, какимъ говорилъ Римъ съ своими союзниками. «Ваше превосходительство — пишетъ лордъ Кларендонъ — сообщите Решидъ-Пашѣ, что правительству ея величества крайне непріятны распоряженія его относительно азійской арміи.» Не такой человекъ лордъ Стратфордъ, чтобы сталъ смягчать эти надменные слова, при передачѣ ихъ; онъ не скупится на уроки, упреки, увѣщанія, едва прикрывая ихъ формою совѣта. Личность этого государственнаго человека, имѣвшаго столь важное вліяніе на судьбу Турціи, ясно обрисовывается въ его письмахъ. Съ каждымъ шагомъ становится все яснѣе и яснѣе этотъ

сильный характеръ, упрямый, твердый, дѣятельный и неутомимый въ охраненіи ввѣренныхъ ему интересовъ. Онъ разбираетъ планы войны, предсѣдательствуетъ при выборѣ генераловъ, при устройствѣ арміи, надзираетъ за приготовленіями къ войнѣ, побуждастъ отсылку войскъ, провіанта, вооруженія. Относительно Азіи, онъ входитъ въ мельчайшія подробности, сообщаемыя ему полковникомъ Вилліамсомъ. Сабли въ кавалеріи слишкомъ коротки и должны быть замѣнены новыми, купленными въ Англіи. Небрежная полуда посуды есть причина кровавыхъ носовъ—нужно спѣшить поправить бѣду. Пули не должны быть одного діаметра къ гладкимъ и къ нарѣзнымъ ружьямъ. Ничто не ускользаетъ отъ его бдительности; но, въ то же время, онъ не удостоиваетъ полковника Вилліамса даже извѣстить о полученіи его депешъ.

«Полковникъ Вилліамсъ — пишетъ лордъ Кларендонъ лорду Стратфорду — окруженъ негодяями и плутами; подданные ея величества должны помогать ему и ободрять его столько, сколько могутъ. Правительство ея величества не можетъ видѣть безъ сожалѣнія оскорбленіе, нанесенное этому воину тѣмъ, что его 54 депеши остались безъ отвѣта.»

— «Я получилъ ихъ 70, кромѣ приложеній — пишетъ лордъ Стратфордъ — я обращалъ вниманіе оттоманскаго правительства на то, что, по указаніямъ полковника Вилліамса, имѣетъ отношеніе къ организаціи арміи султана; но между ними есть такія, которыя, очевидно, не относятся къ его обязанностямъ, и потому я считалъ нужнымъ сообщить ихъ вамъ прежде, чѣмъ говорить о нихъ съ министрами султана. Вопросъ о формальностяхъ и правахъ не остановилъ бы меня на пути, которымъ я достигаю того, что мнѣ кажется полезнымъ нашему общему дѣлу. Имѣя это въ виду, я стараюсь избѣгать всякихъ непріязненныхъ личныхъ столкновеній, всякихъ несогласій съ людьми, обязанными дѣйствовать заодно со мною въ службѣ ея величеству. Я представляю вамъ на обсужденіе недостатокъ вѣжливости комиссара королевы, не согласующійся съ уваженіемъ, которымъ онъ обязанъ посланнику ея величества. Словомъ, я хотѣлъ бы въ точности знать, какія обязанности предписаны полковнику Вилліамсу и въ чемъ должны состоять наши взаимныя отношенія.... Кажется, онъ воображаетъ, что можетъ требовать немедленнаго выполненія своихъ требованій о наказаніи или отрѣшеніи отъ

должности осужденнаго имъ офицера, о введеніи реформы, имъ указываемой, объ утвержденіи имъ начертаннаго плана военныхъ дѣйствій. Если таковы права, данныя ему, я не вижу, чѣмъ отличаются они отъ правъ главнокомандующаго. Наконецъ, я замѣчаю, въ вашихъ инструкціяхъ, что ему предписано поддерживать дружественныя отношенія съ турецкими офицерами, и осмѣливаюсь спросить: согласуются ли съ вашими желаніями крутыя мѣры, угрозы, строгія рѣчи, повелительныя распоряженія, о которыхъ свидѣтельствуетъ его переписка?»

Осуждая полковника Вилліамса за его крутое обращеніе съ Турками, напоминая лорду Кларендону опасность уничтожить остатокъ нравственной силы страны, тѣмъ не менѣе, лордъ Стратфордъ поддерживаетъ авторитетъ власти своего соотечественника. Требуется ли полковникъ Вилліамсъ быть возведеннымъ въ званіе *ферика*, которымъ было бы обезпечено повиновеніе ему Турокъ, лордъ Стратфордъ не удовлетворяется тѣмъ, что немедленно доставляетъ ему эту милость: онъ заставляеть пренебречь для него важнѣйшимъ обычаемъ страны. Въ подобныхъ случаяхъ, въ Турціи требуется, чтобы Европеецъ принялъ мусульманское имя, которымъ, въ глазахъ солдатъ, прикрывается его званіе христіанина. Лордъ Стратфордъ не намѣренъ подчиняться предразсудкамъ страны: онъ требуетъ, чтобы полковника пожаловали въ званіе *ферика* подъ именемъ Вилліамсъ-Паши, и диванъ кончаетъ тѣмъ, что еще разъ подчиняется ему. Во время рамазана, солдаты не хотѣютъ работать карскія укрѣпленія—по волѣ Стратфорда, законъ Магомета долженъ уступить военнымъ соображеніямъ. Онъ принудилъ Шейкъ-уль-ислама отыскать такое толкованіе корана, которое разрѣшало бы нарушить постъ-рамазанъ. Явится ли надобность показать примѣръ строгости, чтобы возстановить дисциплину, остановить грабительство, прекратить ропотъ офицеровъ, генераловъ — диванъ утвердить все. Самый высокій санъ не охраняетъ виновнаго: его задержать, отправить въ тюрьму, будутъ судить и осудятъ. Лордъ Стратфордъ еще постарается, чтобы виновный не избѣгнулъ казни, какъ это часто случается на востокѣ. *Муширы*: Ахметъ-Паша, Мустафа-Зарифъ-Паша, *ферики* (*):

(*) Чины *мушира*, *ферика*, *ливы* соотвѣтствуютъ званію французскаго маршала, дивизионнаго и бригаднаго генераловъ.

Али-Паша, Сулейманъ-Паша, *лиев*: Ахметъ-Паша, Мустафа-Паша, Курдъ-Мустафа-Бей, Кадри-Бей, Нури-Бей, и множество разныхъ генераловъ и высшихъ правителей были отданы подъ военный судъ за пьянство, воровство или трусость на полѣ сраженія. Ферикъ Шукры-Паша, временно командовавшій малоазійскою арміею, и его начальникъ штаба, Гуссейнъ-Паша, обвиненные въ томъ, что недостаточно выказывали уваженіе къ комиссару королевы, избавились отъ казни только ловкостію своихъ константинопольскихъ покровителей.

Дивану иногда и хотѣлось бы вздохнуть на свободѣ, безъ такой тяжелой дружбы; но лордъ Стратфордъ не отступаетъ отъ нея. Онъ знаетъ апатію Турокъ, ихъ склонность къ интригамъ, продажность, ихъ испорченность, «этотъ, по его выраженію, ракъ, съ которымъ онъ борется уже двѣнадцать лѣтъ». Онъ не даетъ имъ ни отдыха, ни срока; онъ хочетъ спасти ихъ, хотя бы то было противъ ихъ желанія, но все это онъ хочетъ сдѣлать по своему, и ему надо, чтобъ англійское правительство ни въ чемъ не перечило его волѣ. Вздумалъ, разъ, лордъ Кларендонъ посѣтовать на то, что диванъ совсѣмъ покинулъ свою азійскую армію, лордъ Стратфордъ тотчасъ заступился за своего протежѣ, но въ какихъ выраженіяхъ....

«Безъ сомнѣнія, прискорбно, что оттоманскіе министры выказываютъ такую несовмѣстную съ важностію обстоятельствъ медленность, при выполненіи предлагаемыхъ мною совѣтовъ. Лошадей не заставишь пить противъ воли — пословица столь же справедливая въ Константинополѣ, какъ и въ Лондонѣ или въ Парижѣ; но если я не могу принудить своихъ лошадей идти побыстрѣе, то надо правду сказать, что обстоятельства иногда извиняютъ ихъ. Суровость зимы, отдаленныя разстоянія, дурное положеніе дорогъ, недостатокъ денегъ, обширность зла, которое лечить надо, затрудненія правительства отыскать достойныхъ довѣрія людей.... Нужно много времени, чтобъ исчислять эти и еще многія подобныя причины. Мнѣ жаль, что это такъ есть. Я порицаю оттоманскихъ министровъ за то, что они не прилагаютъ большей дѣятельности для преодоленія препятствій въ дѣлахъ, но удивляться тому не могу. Порча нравовъ, невѣжество, корысть, задушая патриотизмъ, всюду приносили тѣ же слѣдствія. Раны столь глубокиа, столь закоренѣлыа разрушаютъ имперію....»

«Да и сама Англія, вполнѣ ли она уцѣлѣла отъ этой заразной болѣзни? Развѣ мы никогда не слыхали о Бэконѣ и Молборо? Развѣ мы забыли записки Пепи и позоръ той эпохи? Не раздаются ли еще въ ухахъ нашихъ доносы Бурке? Зло вездѣ существуетъ въ зародышѣ; но, смотря по времени, мѣсту и обстоятельствамъ, оно развивается съ большею или меньшею силою. Въ Турціи оно достигло высшей степени; въ христіанскомъ же мірѣ оно вообще слабѣ.....»

Далѣе лордъ Стратфордъ говоритъ: «общая порча разрушаетъ Оттоманскую имперію». Таково, повидимому, послѣднее слово этого государственнаго чловѣка о настоящемъ и будущемъ Турціи, и это слово находитъ подтвержденіе во всей перепискѣ, предъявленной парламенту. Принимаясь за описаніе событій Азіятской войны, бросающей, по нашему мнѣнію, самый яркій свѣтъ на положеніе Оттоманской имперіи, мы тщательно рассматривали эту переписку. Свѣдѣнія, доставляемыя ею, дополняются частными извѣстіями, а также свѣдѣніями, находящимися въ изданныхъ донесеніяхъ генерала Быстржоновскаго (Bystroznowsky), генерала Кмети (Kmetz), полковника Лека (Lake), военнаго хирурга Сандвича (Sandwith) и еще другихъ Европейцевъ, предлагавшихъ, въ то время, свои услуги султану. Вотъ источники труда, главные отдѣлы котораго составляютъ: кампанія въ Арменіи и оборона Карса.

II.

«Крѣпость Карсъ — писалъ Фуадъ-Паша лорду Кларендону — есть ключъ къ нашимъ азіятскимъ границамъ. Попадись эта крѣпость въ руки Русскихъ — да сохранитъ насъ отъ этого Аллаха! — это прежде всего грозитъ Арзеруму, а потомъ всей Анатоліи: въ томъ нельзя и сомнѣваться.»

Легко объясняется важность, которую Турки приписываютъ этимъ послѣднимъ обломкамъ своего могущества въ Арменіи. Дѣйствительно, рассматривая эту часть земнаго шара, мы видимъ, что громадный кряжъ горъ отдѣляетъ Среднюю Азію отъ европейской части средиземнаго бассейна. Кряжъ состоитъ изъ цѣпей Кавказскихъ горъ, Алагеза, Арарата, Тавра (*). Эти цѣпи,

(*) Мы говоримъ только о восточной части Тавра. Далѣе же эта цѣпь спускается къ югу и тѣмъ означаетъ границы Средиземнаго моря. Географія этихъ краевъ стала извѣстна только недавно, и то по неполнымъ изслѣдованіямъ, помѣщеннымъ въ сочиненіи Риттера и на картахъ Киперта.

почти параллельныя между собою, слѣдуютъ отъ юго-востока къ сѣверо-западу и представляютъ непрерывный рядъ нагорныхъ равнинъ, идущихъ ступенями отъ низкихъ равнинъ Азіи до вершинъ, заключающихся между Араратомъ и Тавромъ. Въ этой части хребта стоитъ Арзерумъ, при точкѣ истока водъ, идущихъ по всѣмъ направленіямъ. Евфратъ и Тигръ впадаютъ въ Персидскій заливъ, Араксъ и Кура — въ Каспійское море, Чорокъ и два Ирмака — въ Черное море. Кто владѣетъ этою точкою истока водъ, тотъ владѣетъ и всею западною частію Азіи. Тому надо только слѣдовать по теченію рѣкъ, чтобы спуститься въ Малую Азію, Мессопотамію, Грузію, Персію.

Завоевательный духъ Турокъ не могъ упустить изъ вида такое соображеніе, и когда они обратили свое вниманіе на востокъ, то тотчасъ же задумали о покореніи своей власти Арменіи. Султанъ Селимъ II, покоривъ Арзерумъ, открылъ путь своимъ преемникамъ: Солиману Великому и Мураду III, которые отняли у Персіянъ Грузію и Мессопотамію. Послѣ почти вѣковой борьбы, Турки завладѣли наконецъ этою длинною цѣпью горъ, которая, подъ именемъ Арменскихъ и Курдистанскихъ, простирается отъ Чернаго до Индѣйскаго моря. Еще одинъ шагъ, и они спустились бы въ Персію, но достигли уже апогея своего могущества, которое съ той поры начало быстро склоняться къ упадку. Эти далекіе походы причиняли уже безмѣрныя затрудненія. Значительныя бѣдствія дали уже уразумѣть султанамъ необходимость крѣпко утвердить свое владычество въ Арменіи, прежде, чѣмъ далѣе простираť свои завоеванія. Въ теченіе этихъ войнъ, Арзерумъ постоянно былъ ихъ операционнымъ базисомъ; но положеніе въ равнинѣ дѣлало Арзерумъ мало способнымъ къ оборонѣ, по идеямъ того времени. Слѣдовательно, прежде всего надо было обезпечить себѣ проходы въ горахъ, ведущіе изъ Арзерума въ Персію и Грузію.

Въ Персіи существуетъ только одинъ путь, по которому съ незапамятныхъ временъ тянутся арміи и караваны. При выходѣ изъ Арзерумской равнины, дорога идетъ чрезъ Бингельскія горы въ долину Евфрата, подымается до истока рѣки Евфрата и выходитъ въ Чалдиранскую равнину, чрезъ Баязетское ущелье, раздѣляющее гребень Арарата отъ неприступнаго кряжа горъ Курдистана. Для перехода войскъ въ Грузію, представляется двоякая преграда хребтами горъ Арарата и Алагеза, параллельныхъ Кав-

казу. Правда, есть нѣсколько путей черезъ эти горы; но удобный путь только одинъ: дорога изъ Арзерума въ Тифлисъ. Она ведетъ черезъ цѣпь Арарата въ ущелье, извѣстное туземцамъ подъ именемъ Соганли-Дагъ, и, пересѣкая равнину, орошаемую рѣкою Карсъ-Чаемъ, углубляется въ Алагезъ и потомъ, черезъ ущелье Эллидара, выходитъ къ Тифлису и Грузіи. И по этой-то причинѣ, покоривъ своей власти Тифлисъ, султанъ Мурадъ III прежде всего озаботился вполне овладѣть этою дорогою, укрѣпивъ городъ Карсъ. Этотъ же султанъ, имя котораго связано съ великими памятниками воинственнаго могущества Турокъ въ Азіи, приказалъ возстановить стѣны Эривани и привести въ оборонительное положеніе другіе города, отнятые у Персіянъ. Онъ покрылъ страну сѣтью крѣпостей и укрѣпленій, служившихъ складочными мѣстами для провіанта и военныхъ припасовъ, станціями для этапныхъ колоннъ, позволявшихъ арміи свободно двигаться въ странѣ, неудобнопроходимой для длинныхъ обозовъ.

Въ оборонительной системѣ, принятой тогда Турками въ Грузіи, содержались нѣкоторые передовые посты, какъ-то: крѣпости Тифлисская, Горійская, Гандзакская, для удержанія въ повиновеніи христіанскихъ государей и хановъ на берегахъ Каспійскаго моря, которые признавали верховное владычество Порты; но ихъ настоящая оборонительная линія все-таки была цѣпь Алагеза: проходы въ этихъ горахъ были заняты укрѣпленіями, изъ которыхъ иные имѣли значеніе въ войнахъ съ Россією. Исторія передала намъ имена Ачвери, Кертвизи, Ахалкалаки. Далѣе простирается до подножія Арарата обширная и плодородная нагорная равнина. Среди ея возвышаются три большія крѣпости: Карсъ, Эриванъ и Ахалцихъ, въ которыхъ сосредоточивались турецкія арміи, въ продолженіе войнъ, веденныхъ ими. Наконецъ, на противоположной сторонѣ Арарата, прикрывали столицу Анатолиі, составляя послѣднюю линію обороны, города: Олты, Гассанъ-Кале, Топракъ-Кале, Баязедъ, соединенные между собою множествомъ укрѣпленій.

Таковы были позиціи, занимаемыя Турками въ Арменіи, въ эпоху ихъ величія. Долго держались они тутъ съ переменнымъ счастьемъ. Однако, Персіяне возвратили наконецъ часть своихъ потерянныхъ владѣній. Такимъ образомъ образовались длинныя бреши въ оборонительной линіи Турокъ, когда новый непріятель, явившійся по ту сторону Кавказа, сталъ угрожать существо-

ванію обоихъ соперничающихъ государствъ. Быстры были успѣхи Россіи. Теперь ея господство утвердилось въ Грузіи: она овладѣла линією Алагеза. Крѣпость Ахалцихъ, отнятая ими у Турокъ въ 1828 году, и цитадель Гумри, состоящая изъ бастионныхъ фронтовъ, расположенныхъ по бокамъ шестиугольника, при выходѣ изъ Эллидарскихъ ущелій, даютъ ей опору въ Арменіи. Наконецъ и пашалыки Эриванскій и Нахичеванскій, послѣ долговременныхъ превратностей, также попали во власть Русскихъ. Такимъ образомъ, Русскіе владѣютъ теперь ущельями Арарата, могутъ спускаться на Баязедъ и, въ нѣсколько переходовъ, по персидской дорогѣ, доходить до Арзерума; но эти провинціи, отдѣленные отъ Грузіи высокими горами, окружающими озеро Зеванга, не представляютъ Русскимъ достаточно обширнаго операціоннаго базиса, и поэтому прямая дорога изъ Тифлиса въ Арзерумъ опять есть длинная стратегическая линія, по которой Русскіе должны слѣдовать, чтобы добраться до Анатоліи, а этотъ-то путь прегражденъ имъ крѣпостью Карсомъ.

Словомъ: Карсъ для Азіятской Турціи то же, что Шумла для Европейской.

При первыхъ признакахъ войны съ Россією, Порта направила къ Карсу всѣ войска, предназначенныя для защиты ея азіятскихъ границъ, и вручила командованіе надъ ними муширу Абди-Пашѣ. Этотъ сановникъ принадлежалъ въ Турціи къ новой школѣ. Онъ получилъ военное образованіе въ Германіи и поэтому пользовался репутаціею ученаго и способнаго человѣка, оспоривать которую никому въ Константинополѣ и въ голову не приходило. Ферикъ Селимъ-Паша, съ другимъ корпусомъ войска, занималъ Батумъ и побережье Чернаго моря. Съ этой стороны Турки и начали непріязненныя дѣйствія. Въ ночь на 31 октября 1853 года, они перешли Чорокъ и завладѣли небольшимъ передовымъ постомъ, носившимъ громкое названіе: фортъ Св. Николая. Въ то же время, муширъ проникъ въ провинціи Арменіи, подвластныя Россіи, и опустошилъ ихъ, не встрѣчая ни малѣйшаго сопротивленія со стороны непріятеля. Кавказская армія расположена была въ своихъ квартирахъ и не только не была готова къ вторженію въ оттоманскія владѣнія, но не были даже приняты мѣры для отраженія нападенія Турокъ. И не тутъ еще наиболѣе любопытный фактъ этой кам-

паніи, — фактъ, который нельзя объяснить иначе, какъ политикою Императора Николая въ его распрѣ съ Турціею.

Рѣшивъ занять дунайскія провинціи, Императоръ полагалъ, что, не доводя до войны, его арміи будутъ, на всѣхъ политикахъ, грузомъ, пропорціонально которому пойдетъ успѣхъ переговоровъ. И такъ, со стороны Азіи, Россія была застигнута врасплохъ. Поспѣшно стали отправлять туда подрѣзненія, а, между тѣмъ, русская армія была осуждена на бездѣйствіе. Естественно, кичливость Турокъ увеличилась. Послѣ незначительнаго сраженія при Баяндырѣ, муширъ оффиціально доносъ своему правительству, что онъ разбилъ непріятеля наголову и намѣренъ овладѣть его крѣпостями: Гумри и Ахалчихомъ, куда непріятель укрылся послѣ пораженія.

По прибытіи Татарина съ этимъ извѣстіемъ, восторгъ защитниковъ Оттоманской имперіи не имѣлъ уже предѣловъ. Тогда имя Шамиля было у всѣхъ на языкѣ, и никто не сомнѣвался, что Шамиль, предводительствуя шестьюдесятью тысячами Черкесовъ, непременно присоединится къ Туркамъ, въ ихъ нашествіи на Тифлисъ. Впрочемъ, трудно было бы сказать, что, въ первую минутѣ нечаянности, нашествіе на Грузію не имѣло бы нѣкоторой вѣроятности на успѣхъ. Мы должны сознаться, что событія этой части кампаніи очень мало извѣстны намъ. Ясно только то, что бюллетени мушира Абди-Паши возбуждали смѣхъ въ его собственныхъ солдатахъ. «Вы прошли чрезъ нашъ бивуакъ—сказалъ Аали-Бей, начальникъ *баши-бузуковъ*, доктору Сандвичу (*)—наши люди спятъ подъ открытымъ небомъ; я же укрываюсь подъ этою палаткою. Знайте же, что у насъ, по словамъ нашихъ пашей, есть двѣ тысячи палатокъ, отнятыхъ у Русскихъ. Цѣлой арміи извѣстна моя исторія. Въ одинъ изъ набѣговъ, удалось мнѣ захватить телѣгу, охраняемую нѣсколькими всадниками. Въ телѣгѣ находилось нѣсколько мѣшковъ съ сухарями и одна палатка. Я представилъ мою добычу муширу.—«Хорошо—сказалъ онъ мнѣ—палатку оставь себѣ.»—Вотъ эту самую палатку вы и видите. Мѣсяць спустя, одинъ изъ моихъ людей принесъ мнѣ газету, изъ которой я узналъ, что, послѣ жаркаго сраженія, мы отняли у Русскихъ обозъ, нагруженный сухарями

(*) См. «A Narrative of the Siege of Kars, by Humphry Sandwith», M. D. London. 1856.

и двумя тысячами палатокъ.... Паши—добавилъ предводитель баши-бузуковъ назидательнымъ тономъ—отцы джи.)»

Впрочемъ, торжество Турокъ продолжалось недолго. Прибытіе 18-й дивизіи и одной бригады 13-й дивизіи дало Русскимъ возможность снова начать наступательныя дѣйствія и напасть на корпусъ ферика Али-Паши, угрожавшій Ахалциху. Али-Паша разбросалъ свои войска вокругъ крѣпости и, вслѣдствіе своихъ дурныхъ распоряженій; не успѣлъ, въ рѣшительную минуту, стануть ихъ. 26 ноября, Русскіе, до разсвѣта, отбили селеніе Сукуплюсь, занятое и укрѣпленное Турками. Пушки, знамена, имущество достались побѣдителямъ. Пораженіе было совершенное. Сначала Али-Паша заботился только о спасеніи самого себя; но, очутившись внѣ опасности, онъ старался остановить бѣглецовъ сабельными ударами. Но такое доказательство усердія ферика было уже поздно. «Уже два часа, какъ дѣло было рѣшено, и исправить зло уже не было возможности», находимъ мы справедливое замѣчаніе въ донесеніи къ Гайрединъ-Пашѣ (*). Узнавъ объ этомъ пораженіи, муширъ отдалъ приказаніе своему намѣстнику, или реису, Ахметъ-Пашѣ, наблюдавшему Гумри, отступить къ Карсу. Ахметъ-Паша не успѣлъ вовремя выполнить предписанное движеніе и, въ свою очередь, подвергся нападенію генерала Бебутова при Башъ-Кадъкъ-Ларѣ. Жаркое дѣло завязалось утромъ 2 декабря 1853 года. Турецкая артиллерія нанесла чувствительный уронъ Русскимъ; но Вели-Паша, прибывшій, съ своею дивизією, на поле сраженія, не смѣлъ вступить въ бой и допустилъ погибель войскъ реиса. Безпорядокъ былъ общій, и на этотъ разъ вся артиллерія досталась Русскимъ. Неурядица была до того велика, что солдаты, сбѣжавшіе въ Карсъ, грабили городъ и базары.

Генералы винили другъ друга въ неудачахъ. Муширъ Абди-Паша, остававшійся въ Карсѣ, горько жаловался на неповиновеніе своихъ подчиненныхъ. Но Ахметъ-Паша такъ удачно интриговалъ въ Константинополѣ, что всю вину свернулъ на своего начальника и вмѣсто него получилъ главное начальство надъ армією. Это было новое несчастіе. Абди-Паша былъ, конечно, посредственный военначальникъ и его военныя познанія, такъ

(*) Это рукописное донесеніе было намъ сообщено генераломъ Быстржоновскимъ, о которомъ мы упомянули уже между военными писателями, описывавшими войну въ Арменіи.

высоко цѣнимыя въ Константинополѣ, были ничтожны. Во время своего пребыванія въ Вѣнѣ, онъ, въ сущности, занимался только орнитологіею, наукою, очевидно, мало способною приготовить полководца. По крайней мѣрѣ, онъ былъ честный человѣкъ; преемникъ же его оказался негодяемъ.

Кампанія была кончена. Обязанность новаго мушира состояла въ обеспеченіи войска продовольствіемъ во время зимы; но заботы Ахмета были совѣмъ другаго рода: главное дѣло для него заключалось въ вопросѣ, какъ бы вернуть свои деньги. Дорого стоитъ въ Турціи получить назначеніе главнокомандующаго, а еще дороже сохранить его. Вообще, Турокъ не иначе можетъ выйти въ люди, какъ только въ видѣ созданья какого нибудь сановника въ имперіи, а покровительство такихъ милостивцевъ покупается самою дорогою цѣною. Это не все еще: надо разсчитываться и съ сералемъ: жены, внухи, служители султана не позволяютъ себя забыть. Осыпавъ золотомъ всѣхъ этихъ людей, надо дѣлиться доходами и съ министрами. Ахмету хорошо извѣстно было, что сераскиръ Риза-Паша не позволялъ сомнѣваться въ своихъ правахъ по этой статьѣ. Онъ бралъ свою долю даже съ аптекарей арміи, а уже тѣмъ болѣе съ главнокомандующаго. И вотъ Ахметъ принялся грабить, да такъ неумѣренно, что его армія чуть было не погибла отъ нищеты и голода. «Ничто не можетъ дать идеи объ ужасахъ зимы, проведенной подъ начальствомъ Ахмета-Паши—говоритъ докторъ Сандвичъ—солдаты, кучами напиханные въ гнилыхъ погребяхъ, спали на гнилой соломѣ и, лишенные одежды, горячаго матеріала и даже пищи, умирали тысячами. Перо отказывается описывать картину госпиталей. Изнуреніе больныхъ было таково, что, въ случаяхъ обыкновенной лихорадки, оконечности больныхъ заражались гніеніемъ прежде, чѣмъ жизнь погасала въ нихъ. Широкія ямы, съ большимъ трудомъ вырытыя въ замерзлой землѣ, приняли болѣе двѣнадцати тысячъ труповъ, которые ночью были съѣдены собаками и волками.» По безопасности правительства, всѣ эти факты прошли бы не замѣченными, если бы лордъ Стратфордъ не былъ возмущенъ ими. Онъ вынудилъ произвести слѣдствіе, и, по донесенію Гайреддинъ-Паши, отправленнаго въ Карсъ, въ концѣ марта 1854 года, Ахметъ и начальникъ его штаба Али-Паша были арестованы и надъ ними наряженъ военный судъ. Долго

еще пришлось лорду Стратфорду добиваться наказанія виновныхъ; но наконецъ онъ добился того.

Примѣръ сдѣланъ; надо найти пресмника Ахмету. У сераскира Риза-Паши былъ подъ рукою именно такой человѣкъ, который, по его мнѣнію, соединялъ въ себѣ всѣ качества, необходимыя для приведенія въ порядокъ арміи и для командованія ею въ теченіе предстоящей кампаніи. То былъ губернаторъ арзерумскій, Мустафа-Зарифъ-Паша. Цирюльникъ по ремеслу, Мустафа-Зарифъ находился въ услуженіи у сераскира, который полюбилъ его и выхлопоталъ ему должность полковаго казначея. Разъ пущенный въ ходъ, Мустафа-Зарифъ, человѣкъ неглупый, забрался въ комиссаріатъ. Къ его несчастію, на него былъ доносъ, обвинявшій его въ грабежѣ, и его смѣнили. Но подобный случай не изъ такихъ, которые способны уничтожить карьеру Турка. Сераскиръ, по прежнему, покровительствовалъ ему и далъ мѣсто въ гражданской службѣ. На этотъ разъ брадобрѣю повезло: онъ скоро возвысился до мѣста губернатора провинціи. Оставался только одинъ шагъ до званія мушира. Безъ сомнѣнія, по нашимъ убѣжденіямъ, подобныя заслуги и достоинства не даютъ права на командованіе армією; но на востокѣ ужъ такъ водится съ незапамятныхъ временъ: Турокъ долженъ быть ко всему способенъ. Никто не удивился бы, еслибъ, по волѣ султана, Мустафа-Зарифъ сдѣлался: министромъ финансовъ, адмираломъ или посланникомъ. Какъ бы то ни было, а Мустафа-Зарифъ оправдалъ довѣріе сераскира: онъ счумѣлъ отыскать приличное отношеніе между государственной службой и своимъ карманомъ. Конечно, онъ не забывалъ себя, но, далеко не подражая преступной нерадивости своего предшественника, принялъ энергическія мѣры, чтобы поставить свою армію въ положеніе, въ которомъ она могла бы вступить въ кампанію. Во первыхъ, онъ занялся продовольствіемъ ея. Замѣтивъ, что мука, поставляемая подрядчикомъ Козною, отвратительнаго качества, онъ взялся за него и, послѣ грозныхъ объясненій, велѣлъ своимъ адъютантамъ поддерживать его и собственноручно откаталъ палкою. Такое возвращеніе къ стариннымъ обычаямъ произвело наилучшее дѣйствіе на армію. Въ то же время, какъ только сдѣлалось теплѣе и можно было солдатамъ размѣститься лагеремъ въ палаткахъ, и омовенія, предписываемыя закономъ, и перемѣна воздуха скоро укрѣпили, отъ природы здоровое, сложеніе Турокъ. Работы укрѣ-

пленнаго лагеря быстро подвинулись. Наконецъ муширь озаботился наполнить ряды солдатъ, опустошенные бѣдствіями прошлой зимы. Такъ какъ набора произвести уже было негдѣ, то муширь велѣлъ своимъ жандармамъ забирать всѣхъ здоровыхъ людей, которыхъ встрѣтятъ, и записывать ихъ въ полки. Благодаря этимъ поборамъ и нѣсколькимъ подкрѣпленіямъ, прибывшимъ изъ Константинополя, въ арміи насчитывалось около сорока тысячъ регулярнаго войска, кромѣ *башми-бузуковъ*, которые, не получая ни жалованья, ни провіанта, изворачивались изъ своего неприятнаго положенія страшными грабежами страны.

Передъ выступленіемъ въ походъ, муширь произвелъ смотръ своимъ войскамъ. Европейскіе генералы, принятые султаномъ въ службу, чтобы дать муширу понятіе о боевомъ расположеніи войска, расположили пѣхоту въ двѣ линіи, артиллерію—въ интервалахъ, кавалерію—на флангахъ, резервы—позади. Муширь, окруженный своимъ штабомъ, объѣхалъ ряды, всматривался въ оружіе и одежду различныхъ частей своего войска, не забывъ, проѣзжая, и пошутить съ солдатами. Мустафа-Зарифъ слышалъ и о Наполеонѣ. По его примѣру, онъ остановился передъ однимъ изъ старыхъ унтеръ-офицеровъ и, схвативъ его за ухо, сталъ распрашивать объ его походахъ. Солдатъ, непривычный къ подобнаго рода знакамъ милости, вообразивъ, что его идутъ бить, жалобно завылъ. Оскорбленный такимъ тупоуміемъ, муширь пришелъ къ убѣжденію, что одни офицеры въ состояніи его понять. Онъ собралъ ихъ вокругъ себя и держалъ къ нимъ слѣдующую рѣчь: «Офицеры анатолійской арміи! мы идемъ войною на русскихъ гяуровъ, будемъ драться за нашего падишаха и за наше отечество. Докажите, что вы достойны себя; особенно же страшитесь бѣжать съ поля сраженія, потому что я, вашъ муширь, буду бодрствовать надъ вами и казнить виновныхъ. Въ самомъ пылу боя, *милазимы* будутъ смотрѣть за солдатами, *узбашми*—за *милазимами*, *бимбашми*—за *узбашами*, *мираламсами*—за бимбашами; *ливы* и *ферики*, слѣдуя нѣсколько позади васъ, будутъ наблюдать за мираламсами, а я пойду позади *ливовъ* и *фериковъ* и буду слѣдить за всѣми ихъ дѣйствіями. Ура падишаху!» Послѣ этого воззванія, муширь велѣлъ подать себѣ трубку, а войскамъ—проходить мимо него,

Плачевна была наружность его войска. Мундиры, въ лохмотьяхъ, не имѣли уже своего первоначальнаго цвѣта; шинели и раны

были растеряны въ прошломъ году, во время поражений при Ахалцихъ и Башъ-Кадыкъ-Ларъ. Съ той поры, относительно этихъ предметовъ, ничего не было предпринято, и большая часть солдатъ носили свои вещи въ кускѣ холста. Къ тому же, они были безъ башмаковъ, безъ чулокъ и большею частію безъ рубашекъ; наконецъ, до того простиралась безпечность правительства и генераловъ, что, несмотря на стужу, солдаты были въ холщевыхъ панталонахъ. Но эти несчастные солдаты и въ лохмотьяхъ сохраняли еще воинственный видъ; оружіе было въ порядкѣ, и они владѣли имъ ловко и правильно, хотя совершенно не были обучены ни взводному, ни баталіонному ученью; самыя простые маневры производились меленно и въ безпорядкѣ.

Кавалерія была не въ состояніи принести какую либо пользу; дурная организація ея не позволяла даже выдержать ей сравненія съ иррегулярною конницею баши-бузуковъ. Люди, обучавшіеся у Европейцевъ по правиламъ, которыя совершенно не согласовались съ обычаями страны, были по большей части дурными кавалеристами. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что у нихъ не было ни сапоговъ, ни шпоръ, ни хорошаго оружія. Лошади малолетнихъ, но сильныхъ породъ были до того изнурены, что съ трудомъ выносили тяжесть человѣка. Напротивъ того, баши-бузуки, предоставленные самимъ себѣ и проживавшіе на счетъ страны, имѣли лошадей, холенныхъ съ заботливостію, отличающею жителей востока. Управляли они ими по своему, но очень ловко. Вооруженные древними джержьдами, они удивительно ловко владѣли этою длинною пикою, заостренный конецъ которой прокалывалъ непріятеля прежде, чѣмъ тотъ могъ достать всадника холоднымъ оружіемъ. Къ несчастію, баши-бузуки, набранные изъ Курдовъ и доведенные до отчаянія мѣрами султана Махмуда, собрались подъ его знамена только съ цѣлю грабить. Это были гнусные разбойники, и ничто въ нихъ не напоминало достоинства Спаговъ, этихъ по истинѣ древнихъ рыцарей, послѣдніе обломки которыхъ погребены подъ развалинами янычарства.

Только одна артиллерія находилась въ нѣсколько лучшемъ состояніи. Конечно, люди были въ такихъ же лохмотьяхъ, но лошади менѣе потерпѣли, и матеріальная часть ея сохранилась въ болѣе приличномъ положеніи. Контрастъ съ другими оружіями былъ даже разителенъ. Причину того можно отыскать въ способности и особенной любви Турокъ къ артиллерійской службѣ—

наклонность, врожденная всѣмъ азіятскимъ расамъ; инструкторы образовали классъ превосходныхъ унтеръ-офицеровъ, которые, за недостаткомъ офицеровъ, удовлетворяютъ первымъ потребностямъ походной службы въ кампаніи.

Изъ этого слѣдуетъ, что не солдатъ недостаетъ Оттоманской имперіи. Еще и въ наше время Турки заслуживаютъ высокую похвалу, которую произнесъ Монтекукулли: «они храбры, трезвы и терпѣливы»; но эти качества поражены безсиліемъ, по недостатку организациіи. Не надо забывать, что въ нынѣшней системѣ войны личность исчезаетъ: только организованныя массы играютъ роль, и, по этой причинѣ, кадры арміи составляютъ всю ея силу; въ турецкой же арміи кадры существуютъ только по имени. На повышеніе не существуетъ никакого правила, тяжелая военная служба не представляетъ никакихъ выгодъ; поэтому богатые классы пренебрегаютъ военнымъ ремесломъ, предпочитая поприще гражданской службы, которое точно также ведетъ къ командованію войсками. Субалтернъ-офицеры изъ солдатъ, выдвинутые изъ рядовъ случаемъ или по чьей либо прихоти, ничѣмъ не отличаются отъ подчиненныхъ, съ которыми живутъ въ дружескихъ отношеніяхъ, не допускаемыхъ хорошо дисциплиною; ничто не возбуждаетъ въ нихъ желанія возвыситься достоинствомъ, знаніемъ или храбростію: интрига и деньги даютъ доступъ къ высшимъ должностямъ, которыя часто выпадаютъ на долю низшаго класса *чибукиши*, брадобрѣевъ, лакеевъ и приживаловъ въ домахъ важныхъ сановниковъ. Вполнѣ чуждые войска, испорченные атмосферою Константинополя, созданія серала и министерствъ, эти люди вносятъ въ лагерь только свои пороки. Презрѣніе, внушаемое ими, ясно видно во всѣхъ письмахъ англійскихъ офицеровъ, имѣвшихъ съ ними столкновеніе. «Они—говорятъ Англичане—трусы, воры, развратники и пьяницы». Послѣдній порокъ кажется нѣсколько страннымъ въ восточныхъ жителяхъ; въ дѣйствительности же, изъ всѣхъ результатовъ цивилизациіи, къ Туркамъ привилось только пьянство. Каждый мусульманинъ, хвастающійся проsvщеніемъ, заимствованнымъ отъ запада, поставляетъ себѣ за особую честь похвалиться тѣмъ, что онъ сумѣлъ побѣдить религиозныя предразсудки въ отношеніи вина; но этимъ большею частію и ограничивается наклонность Турокъ къ цивилизациіи. Полныя суетнаго удивленія къ учености Европейцевъ, они, тѣмъ

не менѣе, сохраняють въ глубинѣ сердца презрѣніе истаго мусульманина къ *яюру*, и это презрѣніе равно распространяется и на тѣхъ соотечественниковъ, которые по воспитанію своему приближаются къ христіанамъ, вслѣдствіе чего съ непобѣдимымъ упорствомъ вытѣсняются ими изъ рядовъ арміи всѣ молодые люди, воспитанные въ военныхъ школахъ въ Константинополѣ. По выходѣ изъ школы, офицеры, изъ коихъ нѣкоторые имѣють истинныя достоинства, осуждены прозябать въ артиллерійскихъ или морскихъ арсеналахъ, гдѣ ихъ содѣйствіе необходимо. Многіе изъ нихъ поступили въ анатолійскую армію, но вскорѣ принуждены были уступить систематическимъ притѣсненіямъ, наносимымъ имъ. Полковникъ Валліамсъ нашель еще трехъ или четырехъ такихъ офицеровъ, которые, будучи лишены и мѣсть и жалованья, принуждены были вступать въ личное служеніе невѣжественнымъ лакеямъ, возведеннымъ въ достоинства *ферики* или *ливы*.

По явному противорѣчію, легко объясняемому обычаемъ незапамятныхъ временъ, Турки принимаютъ на службу ренегатовъ всѣхъ странъ: армія турецкая наполнена Нѣмцами, Итальянцами, Венгерцами, Поляками, бродягами, которые, не зная, куда преклонить голову, рѣшились прикрыться чалмою. Англичанинъ Дунканъ (*) упоминаеть, между прочими, о баронѣ Ветцлерѣ, который окончательно забылъ свой языкъ, свою родину, свою религію и, по своему невѣжеству и суевѣрію, во всѣхъ отношеніяхъ, походилъ на Турка стараго покроя. Впрочемъ, всѣ они, ренегаты или христіане, носили турецкія имена и, такимъ образомъ, сливались съ армією, составляя часть ея. Въ критическія минуты, замѣчаетъ другой очевидецъ, кажется, что снова совершается чудо вавилонскаго смѣшенія, и всѣ языки міра слышатся въ рядахъ арміи.

Не меньшее смѣшеніе царствовало и въ главномъ штабѣ арміи. Муширъ не зналъ первой буквы военной азбуки, точно такъ же, какъ и всѣ его генералы, находившіеся подъ его командою. Для устраненія такого неудобства, диванъ послалъ къ нимъ трехъ европейскихкихъ офицеровъ просвѣщать ихъ невѣжество своими знаніями: то были польскіе генералы: Быстржоновскій, Бринскій (*Breanski*) и венгерскій генералъ Гюйонъ. Такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не принялъ мусульманской религіи, то они и не могли прямо коман-

(*) См. «A campaign with the Turks in Asia by Charles Duncan esp.» London. 1855.

довать войсками. Ихъ вліяніе ограничивалось совѣтами; но какъ это, обыкновенно, бываетъ съ не-отвѣтственными генералами, эти совѣты непрерывно противорѣчили одни другимъ. Понятія Турокъ перепутывались среди комбинацій стратегіи; не принимая въ соображеніе своего врожденнаго здраваго смысла, они поочередно слѣдовали самымъ противоположнымъ планамъ. Самъ муширь, втайнѣ, сильно недоумѣвалъ, инстинктивно сознавая, что его армія не въ состояніи тягаться съ Русскими. Инструкціи, данныя ему, предписывали вести оборонительную войну: воспоминаніе о прошлогоднихъ невзгодахъ слишкомъ оправдывало такую осмотрительность; однако, муширь увлекался иногда желаніемъ прославиться какимъ нибудь блистательнымъ подвигомъ. Русская армія, разбросанная на огромномъ пространствѣ, была всюду слаба. Генераль Бебутовъ имѣлъ при Гумри только семнадцать баталіоновъ, ослабленныхъ еще болѣзнями. Огромное численное превосходство турецкой арміи могло бы задавить его: случай былъ отличный. Мустафа-Зарифъ-Паша съ важностію предложилъ, въ военномъ совѣтѣ, произвести нападеніе на Гумри. Надо быть невѣжественнымъ, какъ былъ онъ, чтобы возымѣть мысль овладѣть правильно укрѣпленною крѣпостію, вовсе не имѣя осаднаго парка. Муширь кончилъ тѣмъ, что уступилъ возраженіямъ европейскихъ генераловъ. А у нихъ былъ совсѣмъ иной планъ: имъ хотѣлось перенести войну въ Грузію, подать помощь Черкесамъ и идти на Тифлисъ. Трудно было турецкой арміи перейти цѣпь Алагеза, не пройдя подъ пушками двухъ крѣпостей: Гумри и Ахалциха, стоящихъ при входѣ въ горы; но неподалеку оттуда существуетъ еще ущелье, прикрываемое укрѣпленіемъ Ахалкалаки, находящимся въ дурномъ состояніи и охраняемомъ только тремя баталіонами. Генераль Быстржоновскій предложилъ быстро перенестись на этотъ пунктъ, перерѣзать гарнизонъ и потомъ спуститься въ Грузію по этому дефиле. Выполненіе этого плана, конечно, встрѣтило бы затрудненія; но все же оно было удобоисполнимо для цѣлой арміи. Вступивъ въ Грузію, Турки должны были направиться къ Сурамскому ущелью и соединиться съ корпусомъ Селимъ-Паши, который изъ Батума долженъ былъ приблизиться къ нимъ черезъ Кутаисъ. Обезпечивъ себѣ, такимъ образомъ, сообщеніе съ Чернымъ моремъ, Турки могли бы идти на Тифлисъ, по дорогѣ присоединить къ себѣ Черкесовъ и нанести смертельный ударъ русскому владычеству въ

Азіи. Въ будущемъ году, выполненіе этого остроумнаго плана выпало на долю Омеръ-Паши; но съ такимъ дурно дисциплинованнымъ войскомъ, какое было у мушира, такой планъ воиленъ зависѣлъ отъ случая.

III.

Между тѣмъ, летучіе отряды арміи принесли извѣстіе, что Русскіе, выйдя изъ Гумри, приближались къ Каресской долины и что отрядъ ахалцихскаго гарнизона, въ то же время, угрожалъ Ардагану, гдѣ находилась дивизія Керимъ-Паши, образуя собою лѣвый флангъ турецкой арміи. При этомъ извѣстїи, муширъ поспѣшно послалъ подкрѣпленія Керимъ-Пашѣ, а самъ двинулся на встрѣчу Русскимъ. Такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, обѣ арміи наблюдали другъ за другомъ, не вступая въ бой, послѣ чего Русскіе возвратились на свою прежнюю позицію, и невозможно было угадать причины ихъ движенія. Черезъ нѣсколько только дней узнали, что, въ промежутокъ времени, когда происходили всѣ эти движенія, Селимъ-Паша былъ совершенно разбитъ. Дѣло въ томъ, что ферику пришла въ голову злополучная мысль углубиться въ Гуріель до Озоргетти. Русскіе, вообще, держась оборонительной войны, на этотъ разъ перешли въ наступленіе и гнали Селимъ-Пашу до Чолока. Селимъ-Паша расположился за этою рѣкою, между Какути и Джанджуромъ. Внезапно атакованные, Турки обратились въ бѣгство, оставивъ, по обыкновенію, въ рукахъ непріятеля артиллерию и обозы.

Бѣдствіе Селимъ-Паши заставило мушира серьезно задуматься. Несчастный примѣръ вылечилъ его отъ зарождающейся страсти къ военнымъ подвигамъ: онъ вернулъ свою армію къ Карсу и засѣлъ тамъ неподвижно. Въ этомъ положенїи, его лѣвый флангъ былъ прикрытъ дивизією Керимъ-Паши, оставленною имъ въ Ардаганѣ, а правый флангъ—отдѣльнымъ отрядомъ, которому назначено было, подъ командою *другаго* Селимъ-Паши, наблюдать за проходами Арарата, ведущими въ Баязедъ. Муширъ строго приказалъ подчиненнымъ ему начальникамъ ничего не предпринимать. Такъ протекали бы дни въ невозмутимомъ спокойствїи, если бы Русскіе не вздумали проникнуть въ Карскую долину для фуражировки.

Долина эта лежитъ среди амфитеатра (*) горъ Арарата и Алагеза. Карсъ-Чай, протекая вдоль послѣднихъ уступовъ Арарата, дѣлаетъ поворотъ и пересѣкаетъ долину почти посрединѣ между Гумри и Карсомъ. Туркамъ показалось, что эта рѣка представляетъ собою границу между двумя арміями, не переходимую для обѣихъ. Но Русскіе, продолжая свою фуражировку, дошли и до Карсъ-Чая, 4 іюля 1854 года; они даже перешли его въ бродъ при Джамушли. Такое движеніе показалось подозрительно муширу. Онъ притянулъ къ себѣ корпусъ Керимъ-Паши и, 11 іюля, занявъ, со всею армією, позицію при Хаджи-Вели-Кэй, селеніе въ двѣнадцати километрахъ (почти 12 верстъ) разстоянія отъ Карсъ-Чая. Онъ надѣялся, что соединеніемъ такихъ силъ принудить Русскихъ отступить; но Русскіе не обратили на то никакого вниманія и продолжали фуражировать, даже разбирали деревни, чтобы добыть себѣ дровъ, въ которыхъ чувствовался большой недостатокъ на голой равнинѣ. Они укрѣпили входъ въ долину Индже-Дере, ведущую къ броду Джамушли. Русскія войска стояли лагеремъ въ равнинѣ между селеніями Кюрукъ-Дере и Полдерванъ. Наконецъ, на оконечности своего праваго фланга, они возводили редутъ на вершинахъ Кара-Іеся, состоящихъ изъ волканическихъ холмовъ и господствующихъ надъ долиною Индже-Дере и надъ равниною Карсъ-Чаемъ, образуя, такимъ образомъ, ключъ позиціи.

Сильно раздраженный упорствомъ Русскихъ въ намѣреніи держаться непремѣнно около Карса, муширъ собиралъ военные совѣты одинъ за другимъ, для пріисканія средства отодвинуть Русскихъ, не вступая съ ними въ бой. Были представляемы самыя разнообразныя планы, были производимы сильнѣйшія рекогносцировки, въ различныхъ пунктахъ, случались даже кавалерійскія схватки; а Русскіе не показывали и признаковъ безпокойства. Такъ прошелъ іюль. Войска, оставаясь въ бездѣйствіи, начали упадать духомъ, а крутыя перемены температуры заставляли ихъ много страдать. Днемъ солнце нестерпимо жгло; ночью они мерзли отъ сильной стужи; утромъ даже земля иногда покрывалась инеемъ. Войска разбирали сосѣднія деревни на дрова; весь фуражъ въ окрестностяхъ былъ потраченъ. На-

(*) Амфитеатръ обозначается на востокъ Соганлы-Дагомъ и Чилдирскими горами, окруженными рѣкою Карсъ-Чаемъ, на сѣверъ—Гокъ-Дагомъ, а на западъ—вершиною Алагеза.

ступила минута отступать или идти впередъ. Муширъ еще недоумѣвалъ, что начать, но, въ одинъ прекрасный день, объявилъ, къ общему удивленію, что намѣренъ дать сраженіе. Многозначительно обстоятельство, положившее конецъ его недоумѣніямъ: оно указываетъ на дѣйствительное поработеніе Турокъ европейскимъ идеямъ. Муширъ получилъ изъ Константинополя депеши, доставленныя ему Французомъ, служащимъ при главномъ штабѣ Омеръ-Паши. Графъ де-Мефрей, до вступленія въ турецкую службу, былъ ординарцемъ при генералѣ, командовавшемъ національною гвардіею въ Парижѣ. Служба подобнаго рода не могла посвятить его въ тайны стратегическихъ комбинацій; но муширъ въ такую мудрость и не пускался. Обрадовавшись, что можно сложить ответственность главнокомандующаго на европейскаго офицера, онъ рѣшился, по совѣту новаго пріѣзжаго, перейти въ наступательное положеніе. Впрочемъ, такъ какъ послѣдующіе дни, по турецкому календарю, обозначались несчастными, то онъ отложилъ исполненіе своихъ плановъ до 6 августа—день, считающійся у Турокъ счастливымъ. Но не тутъ былъ конецъ тревогамъ мушира: именно въ ту минуту, когда онъ располагалъ приступить къ дѣйствию, вдругъ пришло извѣстіе о событіи, которое могло имѣть самыя печальныя слѣдствія на участь арміи: войска, съ самаго начала кампаніи занимавшія Баязедъ, подъ командою Селимъ-Паши, были разбиты наголову.

Узнавъ, что генералъ Врангель, командовавшій въ Эривани, отправился по Игдирской дорогѣ къ Баязеду, Селимъ-Паша вознамѣрился преградить ему путь черезъ Араратъ. Онъ занялъ Илглильское дефиле; его артиллерія далеко обстрѣливала дорогу, по которой Русскіе должны были идти; пѣхота въ массѣ была собрана позади, а иррегулярныя войска были разбросаны по окрестнымъ высотамъ на большое пространство. Русскіе пошли въ штыки и опрокинули все, что имъ встрѣчалось. Турки бросились въ разсыпную, и Селимъ-Пашѣ, увлеченному общимъ бѣгствомъ, не удалось даже направить ихъ на арзерумскую дорогу. Съ большинствомъ бѣжавшихъ, онъ принужденъ былъ искать убѣжища въ Ванѣ. Городъ Баязедъ отворилъ ворота генералу Врангелю. Весь край съ той стороны оставался безъ защиты противъ Русскихъ, и первый отрядъ кавалеріи, появившись предъ Арзерумомъ, могъ сразу уничтожить всѣ собран-

ные тамъ магазины арміи. Таковыя размышленія сами собою представлялись уму всякаго человѣка. Ясно, что, при такихъ плачевныхъ обстоятельствахъ, оставалось только отступать. Вслѣдствіе чего, 4 августа, муширь отдалъ приказаніе отряду въ 10,000 человѣкъ занять позицію при Топракъ-Кале, по дорогѣ въ Арзерумъ, а главнымъ силамъ арміи, съ наступленіемъ ночи, идти къ Карсу. Къ несчастію, какъ, обыкновенно, случается съ слабыми характерами въ критическія минуты, муширь, въ тотъ же вечеръ, рѣшился на дѣло діаметрально противоположное. Собравъ своихъ генераловъ, онъ объявилъ имъ свое рѣшительное намѣреніе немедленно дать сраженіе Русскимъ. Послѣ пренія, продолжавшагося нѣсколько минутъ, въ которомъ, по обыкновенію, генералы Быстржоновскій и Гюйонъ съ трудомъ согласились между собою, планъ Быстржоновскаго былъ принятъ. Сущность плана состояла въ томъ, чтобы тотчасъ же произвести нападеніе на высоты Кара-Теля, составлявшія, какъ уже сказано, ключъ непріятельской позиціи. Для выполненія этого предпріятія, турецкая армія была раздѣлена слѣдующимъ образомъ:

Авангардъ. — Лива: *Абдерраманъ-Паша*.

	Человѣкъ.
5 баталіоновъ — 2,340, и 1 батарея — 50, всего	2,390
Баши-бузуковъ	1,200

Первый корпусъ. — Ферикъ: *Керимъ-Паша*.

20 баталіоновъ—11,911, 16 эскадроновъ—2,058, и 6 батарей—680, всего	14,649
--	--------

Второй корпусъ. — Ферикъ: *Вели-Паша*.

23 баталіона—12,173, 26 эскадроновъ—3,072, и 7 батарей—780, всего.	16,025
Баши-бузуковъ	3,500

Итого. . . 37,764(*).

Въ одиннадцать часовъ вечера, надлежало выступить авангарду; черезъ полчаса послѣ него—первому корпусу, подъ командою Керимъ-Паши; еще черезъ полчаса, эшелономъ влѣво—второму корпусу, подъ командою Вели-Паши. Овладѣвъ Кара-Телемъ, Керимъ-Паша долженъ былъ, опершись правымъ крыломъ на

(*) О состояніи дѣйствующаго корпуса сообщено намъ генераломъ Быстржоновскимъ. Здѣсь показаны только войска, участвовавшія въ битвѣ.

холмъ, наступать на оконечность лѣваго фланга русской арміи. Вѣроятно было, что непріятель, атакуемый съ этой стороны, измѣнитъ свой боевой порядокъ и, повернувшись на лѣвомъ флангѣ, двинется вправо, чтобъ охватить Турокъ своею многочисленною кавалеріею. Тогда муширъ выставилъ бы противъ Русскихъ 26 эскадроновъ и 3,500 баши-бузуковъ, бывшихъ въ резервѣ; въ то же время, онъ попытался бы сдѣлать напоръ на непріятельскій центръ, съ цѣлью загнать его въ Карсъ-Чай. Ясно, что планъ былъ очень простъ (*). Безъ сомнѣнія, нуженъ былъ переходъ ночью, чтобы дойти до русской арміи. Именно эта ночь случилась совершенно свѣтлая: ни одно облако не закрывало луну въ послѣдней четверти. Чрезвычайная прозрачность атмосферы на высотахъ позволяла различать малѣйшую неровность мѣстности: тамъ и сямъ виднѣлись дымящіеся конусы вулканическихъ холмовъ по срединѣ равнины; далѣе—черныя массы Кара-Іея; еще далѣе—великолѣпный амфитеатръ горъ Алагеца и вершины горъ, покрытыя вѣчными снѣгами, царствующаія надъ всѣмъ окружающимъ. Слѣдованіе войскъ по равнинѣ могло быть произведено въ полномъ порядкѣ; между тѣмъ, турецкая армія, при самомъ началѣ движенія, утратила предписанное направленіе. Авангардъ выступилъ въ одиннадцать часовъ вечера, первый корпусъ пошелъ вслѣдъ за нимъ; но второй корпусъ, подъ командою самого мушира, потерялъ слишкомъ много времени. При самомъ выходѣ изъ лагеря, различныя колонны, составлявшія корпусъ, стали пересѣкать дорогу одна другой. Много трудовъ стоило муширу, чтобы дать имъ надлежащее направленіе. Приведенный наконецъ въ порядокъ, второй корпусъ выступилъ, но подался черезчуръ влѣво. Около разсвѣта, онъ очутился у подножія холма Кабакъ-Тепе, въ двухъ часахъ разстоянія отъ Кара-Іея.

Между тѣмъ, авангардъ и первый корпусъ достигли позиціи, господствующей надъ мѣстностію, которая тотчасъ же спускается къ рѣкѣ Карсъ-Чаю. Первый корпусъ остановился здѣсь для отдыха въ два часа утра; авангардъ же продолжалъ свой путь къ Кара-Іею и вскорѣ исчезъ изъ вида. Каждый ожидалъ, вотъ-вотъ раздастся жаркая перестрѣлка; но на холмѣ цар-

(*) См. о подробностяхъ этого плана въ реляціи, изданной генераломъ Быстроновскимъ въ «Spectateur militaire» 1858 года.

ствовало безмолвіе. Мучительно текли минуты для всѣхъ. Занималась заря. На вершинѣ холма уже можно было, хотя неясно, въ полусвѣтѣ различать фигуры. Наконецъ заря озарила огромныя красныя знамена башни-бузуковъ, подъ командою Абдеррамана-Паши, занявшихъ безъ выстрѣла редуть. Велико было удивленіе! Въ ту же минуту, солнечные лучи залили свѣтомъ всю равнину и выказали влѣво отъ Турокъ всю русскую армію, стоящую въ колоннахъ.

Вѣроятно, генераль Бебутовъ узналъ, черезъ своихъ лазутчиковъ, о планѣ отступленія мушира. Вслѣдствіе чего, онъ снялся съ лагеря въ ту же ночь и двинулся къ Карсу. Оставляя Кара-Иель влѣво, онъ сталъ подниматься по склонамъ, съ которыхъ спускались Турки, подъ командою Керимъ-Паши. Такимъ образомъ, обѣ арміи очутились другъ противъ друга совершенно невзначай. Керимъ-Паша, старый и храбрый солдатъ, но ограниченныхъ понятій, тотчасъ же рѣшился вступить въ бой и, нисколько не заботясь объ отдаленности муширова корпуса, развернулъ свои войска по хребту горы, гдѣ остановился для отдыха. Ему и въ голову не приходила мысль опереться правымъ крыломъ на высоты Кара-Иеля и, такимъ образомъ, соединиться съ корпусомъ Абдеррамана-Паши, который, не получая никакихъ приказаній, оставался въ бездѣйствіи на вершинѣ. Керимъ-Паша имѣлъ 16 баталіоновъ и 3 батареи въ первой линіи, 8 эскадроновъ на флангахъ, 4 баталіона и 8 эскадроновъ въ резервѣ. У генерала же Бебутова было 18 баталіоновъ, 26 эскадроновъ драгунъ, бригада мусульманской кавалеріи, казаки и 56 орудій. Видя, что онъ имѣетъ дѣло только съ частью турецкой арміи, Бебутовъ направилъ почти всѣ свои силы противъ непріятеля, въ резервѣ же оставилъ только 6 баталіоновъ, 10 эскадроновъ, 3 батареи, мусульманскую кавалерію и 6 сотенъ казаковъ.

Въ четыре часа съ половиною утра, началась пушечная пальба. Вскорѣ завязался бой по всей линіи. Керимъ-Паша, легко узнаваемый по своему высокому, сгорбленному годами стану, по длинной бѣлой бородѣ, съ обнаженною шашкою въ рукѣ, проѣзжалъ между рядами своихъ войскъ, являясь всюду, гдѣ была опасность. Нѣкоторые турецкіе офицеры, слѣдуя его примѣру, храбро исполняли свою обязанность. Артиллерій генераль Тагиръ-Паша, командиръ 6 полка Захарія-Бей (редифъ анатолійскій), Гуссейнъ-Дайнъ-Черкессъ-Бей, командиръ 1 полка (ни-

замъ арабистанскій), употребляли всѣ усилія, чтобы до конца удерживать въ порядкѣ солдатъ; но остальные постыдно покинули свой постъ. Лива Ахметъ-Паша, при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, далъ шпоры своей лошади, ускакалъ съ поля сраженія и остановился только черезъ два часа, для того, чтобы рубить бѣглецовъ. Лива Мустафа-Паша, полковникъ Кадри-Бей, командиръ 6 Арабистанскаго полка, и полковникъ Курдъ-Мустафа-Бей, командиръ 5 Анатолийскаго полка, со всѣми своими штабами, при самомъ началѣ дѣла, обратились въ бѣгство. Другіе офицеры разныхъ чиновъ забились въ повозки, назначенныя для раненыхъ, и силою принудили вести себя въ Карсъ.

«Я самъ видѣлъ—пишетъ Англичанинъ Дунканъ—какъ командиръ гвардейскаго егерскаго баталіона отказался идти на неприятеля. «Я не получилъ на то приказаній отъ моего начальника», отвѣчалъ онъ генералу Колману, дрожа всѣмъ тѣломъ. «Трусъ!—заревѣлъ Колманъ—именемъ мушира приказываю идти впередъ!» Проникнутые негодованіемъ, солдаты стали грозить своими штыками командиру: тогда онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, но тотчасъ же повернулъ лошадь и ускакалъ съ поля сраженія. При всеобщей трусости офицеровъ, цѣлыя полки вскорѣ были подъ командою унтеръ-офицеровъ. Кавалерія давно уже исчезла, разсыпавшись далеко по равнинѣ; люди разнуздали лошадей и, въ ожиданіи исхода сраженія, пустили ихъ пастись. Быстро рѣдѣли ряды пѣхоты. Множество солдатъ вышли изъ строя, чтобы подобрать своихъ раненыхъ: напрасная забота, потому что давно уже исчезли полковые лекаря. Брошенные безъ всякой помощи, эти несчастные раненые страшно страдали, въ предсмертныхъ мукахъ. Всюду царствовалъ ужасный безпорядокъ; даже резервы, не слыхавъ еще свиста пуль, уже были деморализованы.

Не прошло и полутора часа, а корпусъ Керимъ-Паши былъ вполне разстроенъ. Одна артиллерія неустрасимо выдерживала бой; но и она сильно потерпѣла. Живость огня ея совершенно ослабѣла, когда показались наконецъ головы колоннъ втораго корпуса. По мѣрѣ того, какъ онѣ вступали на позицію, муширъ вводилъ ихъ въ дѣло, стараясь оттѣснить правый флангъ Русскихъ. Въ боевыхъ линіяхъ у него было 14 баталіоновъ и 4 батареи. Впереди оконечности его лѣваго фланга двигалась кавалерія, состоявшая изъ 12 эскадроновъ и 3,500 баши-буз-А

ковъ. 10 баталіоновъ, 14 эскадроновъ, 3 батареи составляли резервъ. Войска мушира быстро выдвигались впередъ и уже угрожали совершенно обхватить русскую армію, которая, значительно уступая имъ въ числительности, принуждена была вызвать свои послѣдніе резервы; но въ эту минуту, разстроенные огнемъ русской артиллеріи, башы-бузуки обратились въ бѣгство. Пришлось замѣнить ихъ пѣхотными резервами, которые муширъ и призвалъ къ себѣ: второй корпусъ принужденъ былъ слѣдовать по скату горы. При недостаткѣ порядка въ движеніяхъ, линіи его разорвались. Русскіе, пользуясь этимъ безпорядкомъ, хотѣли прорвать центръ ея; но генералъ Гюйонъ, замѣтивъ угрожавшую опасность, направилъ къ тому пункту 3 резервныя батареи и огнемъ артиллеріи остановилъ наступленіе непріятеля. Тогда, поставивъ въ колонну 14 остальныхъ эскадроновъ, онъ пустилъ ихъ въ атаку на Русскихъ. Самъ онъ изъ первыхъ бросился на непріятеля. Къ несчастію, вся эта кавалерія, очутившись среди огня, повернула лошадей и ускакала назадъ такъ далеко, что собрать ее было уже невозможно. Въ ту же минуту, весь корпусъ Керимъ-Паши, объятый паническимъ страхомъ, разсѣялся. Причиною такого ужаса было неожиданное появленіе Русскихъ въ тылу турецкой арміи. Дѣйствительно, пока длилась битва въ равнинѣ, отрядъ непріятельскаго войска вскарабкался на высоты Кара-Іеля и вытѣснилъ оттуда корпусъ Абдеррамана-Паши. Снова спустившись съ противоположнаго ската горы, этотъ отрядъ смѣло ударилъ во флангъ Турокъ. Резервы, въ ту же минуту, обратились въ бѣгство; большая часть второй линіи увлеклась примѣромъ резерва, а первая линія, увидѣвъ себя покинутою, пала подъ дружнымъ натискомъ русскихъ драгунъ.

Избавившись отъ всякой опасности съ этой стороны, генералъ Бебутовъ обратилъ всѣ свои силы противъ войскъ мушира, находившихся тогда въ самомъ критическомъ положеніи. Имъ не оставалось ничего болѣе, какъ только снова занять покинутую ими, господствующую позицію, сколь можно скорѣе. Настигнутые русскою кавалеріею, они должны были стать въ каре. Два изъ этихъ пяти каре были прорваны и изрублены; остальные три съ великимъ трудомъ добрались до вершины плато. При видѣ долины, усѣянной бѣглецами, эти несчастные сол-

даты были увлечены общею заразою и, въ свою очередь, обратились въ бѣгство.

«И десяти человекъ не оставалось вмѣстѣ — говоритъ генералъ Быстржоновскій — какая нибудь тысяча всадниковъ, пущенныхъ въ эту минуту, могли бы все взять, все разрушить; русскій генералъ, съ занимаемой имъ позиціи, видѣлъ все, что происходило на равнинѣ, и не подумалъ даже преслѣдовать насъ.» Русская армія сдѣлала привалъ на вершинѣ плато, испустила троекратное «ура!» и возвратилась въ свой лагерь, при звукахъ военной музыки.

Турецкая армія оставила въ рукахъ непріятеля 15 орудій и 2,000 плѣнныхъ. Потеря убитыми и ранеными не могла быть исчислена, потому что число бѣглецовъ было безмѣрно. Достаточно сказать, что, нѣсколько дней спустя, у мушира оставалось только 17,500 человекъ. Какъ и въ прошломъ году, городъ Карсъ подвергался опасности быть разграбленнымъ; но на этотъ разъ Мустафа-Зарифъ принялъ энергическія мѣры, чтобъ остановить безпорядки, приказавъ оставшимся въ крѣпости баталіонамъ имѣть присмотръ за базаромъ. Съ большими усиліями удалось ему снова устроить обломки своей арміи. Таково было общее уныніе, что, при малѣйшемъ движеніи Русскихъ, муширъ не могъ бы удержаться въ Карсѣ; но, къ общему удивленію, генералъ Бебутовъ оставался въ бездѣйствіи на своей позиціи при Индже-Дере. Это бездѣйствіе позволило Туркамъ перевести духъ. Наконецъ, 17 августа, узналъ муширъ, что русская армія вознамѣрилась возвратиться въ Гумри. Баша-бузуки отправились рыскать вокругъ русскаго лагеря и успѣли какъ-то захватить нѣсколько возовъ, которые и были съ торжествомъ привезены въ Карсъ. Обрадованный отступленіемъ непріятеля, Мустафа-Зарифъ донесъ въ Константинополь, что прогналъ Русскихъ до Гумри и отнялъ у нихъ большую часть обоза. Пальба изъ городской пушки, въ знакъ радости сердечной, извѣстила благочестивыхъ мусульманъ о томъ, что Аллахъ благословилъ оружіе султана.

IV.

Какъ ни хлопоталъ Мустафа-Зарифъ-Паша, а все же никто не хотѣлъ принимать за побѣду пораженіе при Кюрукъ-Дере, и, по требованію лорда Стратфорда, въ сентябрѣ 1854 года, при-

казано было муширу явиться въ Константинополь для отданія отчета въ своихъ дѣйствіяхъ; въ то самое время, полковникъ Вилліамсъ прибылъ въ Карсъ. Подробный осмотръ вскорѣ обнаружилъ ему, въ какомъ жалкомъ положеніи оставлялъ свою армію этотъ печальный главнокомандующій.

«Удивляюсь—говоритъ Вилліамсъ, въ донесеніи своемъ лорду Кларендону—удивляюсь терпѣнію, съ которымъ этотъ трезвый и сносливый народъ выноситъ страданія, которыя, во всякомъ другомъ мѣстѣ, были бы причиною непрерывныхъ возмущеній. Пища солдата самая жалкая, его хлѣбъ, дурно вымѣшанный, дурно выпеченный, самаго дурнаго качества, масло для приправы риса въ его плавѣ горькое; да и въ этой пищѣ, самой существенной въ его обыкновенномъ быту, отказываютъ ему теперь два раза въ недѣлю. Большею частію то же бываетъ и съ его раціонами мяса. Страшная нечистота царствуетъ на кухняхъ, и такъ великъ недостатокъ, что мѣдные котлы, окислившіеся за неимѣніемъ полуды, ежедневно причиняютъ несчастные случаи. Самыя простыя правила гігіены забыты; войска напичканы въ городскихъ домахъ среди всевозможнаго хлама, отчего воздухъ заражается смрадомъ, и отъ его міазмовъ непрерывно поражаются лихорадка и тифусъ. Если госпитали еще не дошли до такой степени страшнаго запущенія, то полный безпорядокъ царствуетъ въ аптекахъ. Доктора и хирурги самыя грубые невѣжды, и раненые, попавшись имъ въ руки, умираютъ или остаются навѣки калѣками. Въ послѣднемъ случаѣ, ихъ оставляютъ безъ всякой помощи, предоставляя свободу выпрашивать подаваніе. Обувь, одежда, вооруженіе не годны къ употребленію. Жалованье не выдано, смотря по корпусамъ, инымъ за восемнадцать, другимъ за двадцать и двадцать-два мѣсяца. Припасы всякаго рода, исключая артиллерійскаго, истощены. Армія перебивается, со дня на день, средствами края. Служба, дисциплина, обученіе войска постыдно заброшены офицерами, большая часть которыхъ, особенно въ высшихъ чинахъ, не достойны командовать. На полѣ сраженія, они доказали свою безстыдную трусость, въ обыкновенной же жизни пьянствуютъ и заботятся только о томъ, какъ бы обкрадывать солдата. Въ этомъ отношеніи, муширъ подаетъ примѣръ, обкрадывая казну. Стачка съ генералами, полковниками и поставщиками, съ которыми онъ дѣлится плодами своего хищничества, позволяла ему до сихъ

поръ посылать въ Константинополь вѣдомости, запятнанныя чудищными обманами. Правительствомъ выдаются раціоны на 33,000 человекъ, тогда какъ въ дѣйствительности подъ знаменами находится только 17,000. Жалованье баши-бузукамъ, по случаю иррегулярности этого корпуса, служитъ источникомъ огромныхъ выгодъ для мушира и предводителей этихъ шаекъ— Гассанъ-Язи-жи и Инджехъ-Арапъ. Въсто 3,500, выставленныхъ въ вѣдомостяхъ, у нихъ подъ командою состоитъ только 800 человекъ. Муширъ не пренебрегаетъ и самыми мелкими выгодами: прошлою зимою, онъ велѣлъ продать въ свою пользу все имущество, оставшееся послѣ 12,000 солдатъ, умершихъ въ госпиталяхъ, и такъ какъ суммы, назначенныя для войска, выдаются частію монетою, частію же ассигнаціями, то онъ, оставивъ у себя серебряную монету, выплачиваетъ бумажками, потерявшими въ цѣнѣ 20 процентовъ. Генералы и полковники имѣютъ стачку съ поставщиками и получаютъ деньгами стоимость раціоновъ риса и мяса, или, въ случаѣ, когда они вынуждены принимать ихъ натурою, то приказываютъ продавать ихъ въ свою пользу. Они посылаютъ своихъ солдатъ по очереди жать хлѣбъ въ окрестностяхъ и разбирать деревни на дрова, имѣющія, въ этомъ краю, огромную цѣнность. Каждый умудряется по своему въ этихъ грабежахъ имѣть долю какъ можно большую.»

Ясно, что такой страшный беспорядокъ долженъ былъ быстро вести армію къ гибели, а приближеніе зимы увеличивало неминуемую грозную опасность. Карсъ стоитъ на 6,000 футовъ надъ уровнемъ моря и окруженъ горами десяти, двѣнадцати и даже шестнадцати тысячъ футовъ высоты. Зимою тамъ страшная стужа: термометръ, обыкновенно, доходитъ до двадцати градусовъ Реомюра ниже нуля. Отъ множества снѣга, дороги становятся непроходимы, особливо въ ущельяхъ Соганли-Дага, по которому слѣдуетъ арзерумская дорога. Не имѣя магазиновъ, еще при началѣ войны лишенная вспомошествованія, представляемаго краемъ, армія подвергалась опасности буквально умереть съ голода. Несчастные солдаты съ ужасомъ ожидали провести зиму, подобную прошлогодней, стойшей жизни многимъ изъ нихъ. Побѣги, уже сократившіе армію на двѣ трети, продолжали ослаблять ея ряды; Карсу грозила опасность остаться безъ защитниковъ, если бы не были приняты энергическія мѣры для спасенія этого оплота Анатоліи.

Полковникъ Вилліамсъ не побоялся взять на себя отвѣтственность за эти жесткія мѣры. Всѣхъ начальниковъ арміи онъ собралъ у Керимъ-Паши; въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ упрекалъ онъ ихъ за всѣ незаконныя ихъ поступки и наотрѣзъ объявилъ, что съ этихъ поръ будетъ имѣть строгій надзоръ за соблюденіемъ порядка и дисциплины, угрожая, въ случаѣ отклоненія отъ обязанностей, гнѣвомъ англійской королевы и ея посланника въ Константинополь, лорда Стратфорда. Послѣ этого, оставивъ въ Карсѣ своего адъютанта, поручика Тисделя, для пристража за турецкимъ начальствомъ, онъ самъ отправился въ Арзерумъ, гдѣ его присутствіе было не менѣе необходимо, чтобъ остановить расхищеніе средствъ, назначенныхъ для снабженія арміи. Это еще не все: солдаты терпѣли во всемъ недостатокъ. Полковникъ Вилліамсъ обратился къ ходатайству лорда Стратфорда, чтобы добиться отъ турецкаго правительства денегъ, аммуниціи, провіанта, подкрѣпленій и—главное—офицеровъ и честнаго, храбраго, способнаго полководца. Это значило желать невозможнаго. «Диванъ—отвѣчалъ ему лордъ Стратфордъ—находится въ большомъ затрудненіи, гдѣ найти ему такого полководца.» По этому случаю, съ пера его вырываются слова, составляющія приговоръ цѣлому обществу: «Тутъ не можетъ быть и рѣчи о согласованіи должности съ достоинствомъ. Правительство, переиѣняя своихъ дѣятелей, можетъ имѣть въ виду только наказаніе виновныхъ.»

Наконецъ диванъ обратилъ свои взоры на Исмаила-Пашу, которій, говорили, выказалъ умъ и храбрость во время дунайской кампаніи; но четатскій герой, соглашаясь принять титулъ и доходы мушира, совсѣмъ не имѣлъ желанія отправляться въ Карсъ компрометировать свои лавры. Онъ ссылаясь на свое разстроенное здоровье, чтобъ имѣть предлогъ не отправляться къ своему посту, и получилъ позволеніе провести зиму въ Константинополь. Между тѣмъ, въ Азію онъ послалъ своего реиса, Шукри-Пашу, съ инструкціями, составленными имъ для преобразованія арміи. Эти до невѣроятности бессмысленныя инструкціи (*) возмутили полковника Вилліамса; но Шукри-Паша скоро

(*) Инструкціи были такого содержанія. «Статья 1: Отнынѣ носить феску на лѣвое ухо, а не на правое. Статья 2: Отвороты мундировъ, вмѣсто желтыхъ, имѣть красныя. Статья 3: Офицерамъ имѣть черныя галстуки. Статья 4: Офицерамъ не ходить въ одну баню съ солдатами.»

далъ ему новыя и несравненно большія причины жаловаться. Объявивъ войскамъ распоряженія мушира и тѣмъ успокоенный на счетъ ихъ жребія, Шукри-Паша только о томъ и думалъ, чтобъ идти наперекоръ англійскому полковнику. Вилліамсъ находился, въ это время, въ Арзерумѣ, гдѣ онъ хлопоталъ о выполнении труднаго предпріятія: весь провіантъ, необходимый для карскаго гарнизона, соединить въ арзерумскіе магазины, чтобы потомъ, по мѣрѣ нужды, отправлять его въ Карсъ. Съ безконечными трудностями приходилось ему бороться: недостатокъ въ деньгахъ, въ перевозочныхъ средствахъ, дурное состояніе дорогъ, изобиліе снѣга, а болѣе всего недоброжелательство гражданскихъ и военныхъ властей страшно препятствовали его дѣйствіямъ. Съ своей стороны, пользуясь этими обстоятельствами, Шукри-Паша не замедлилъ возмутить противъ него весь край. Досуги, оставшіяся отъ интригъ, употреблялись Шукри-Пашою на разгульныя пирушки. Къ несчастію для себя, ему случилось, подъ вліяніемъ вина, говорить въ выраженіяхъ, не совсѣмъ осторожныхъ, о своевольствѣ, которое, по словамъ его, несправедливо присвоилъ себѣ простой офицеръ англійской арміи. Его рѣчи были переданы полковнику. Этого было слишкомъ довольно, чтобы раздражить строптивый и деспотическій нравъ Вилліамса. Вслѣдствіе грозной сцены, происшедшей между нимъ и Шукри-Пашою, Вилліамсъ потребовалъ отъ дивана, чтобъ паша былъ арестованъ и отправленъ въ Константинополь и тамъ далъ бы отвѣтъ въ своей непочтительности къ комиссару ея величества англійской королевы и еще въ длинномъ рядѣ преступленій, между которыми играли роль его скандальныя привычки пьянствовать и вести *разсыпанную жизнь*. Читателю легко отгадать, что значить выраженіе «разсыпанная жизнь», подъ сдержаннымъ перомъ англійскаго офицера.

Между тѣмъ, несчастные министры султана уже не знали, кого выбирать, для удовлетворенія лорда Стратфорда. Такъ какъ Исмаиль-Паша рѣшительно отказался ѣхать въ Азію, то они назначили на его мѣсто Вассифъ-Пашу. Это былъ уже пятый главнокомандующій, посылаемый въ карсскую армію въ продолженіе восемнадцати мѣсяцевъ. Вассифъ-Паша былъ честный человекъ, но слабый тѣломъ и умомъ; за то онъ былъ одушевленъ самыми лучшими намѣреніями. Онъ сдѣлался послушнымъ орудіемъ въ рукахъ полковника Вилліамса, и вскорѣ Туркамъ

пришлось, по неумолимо строгимъ мѣрамъ, убѣдиться, что съ той поры надо было имъ вести расчеты съ самимъ комиссаромъ англійской королевы. Во всякомъ случаѣ, эти примѣры строгости могли только навремя остановить безпорядки. Источникъ зла заключался въ самомъ сералѣ. «Оттуда — говоритъ Вилліамсъ — потокъ испорченности разливается на всю имперію и порождаетъ тучи тирановъ и взяточниковъ, пожирающихъ существенныя потребности края.» По примѣру великихъ сановниковъ столицы, чиновники въ провинціяхъ проводятъ свое время въ томъ, что крадутъ, интригуютъ и доносятъ другъ на друга. Дефтердаръ (*), Джазимъ-Паша — воръ; карскій губернаторъ Сирри-Паша — тоже: онъ стаскивается съ провіантмейстеромъ Козмою, который, разумѣется, еще болѣе воръ, чѣмъ всѣ сановники. Генераль-губернаторъ Арзерума менѣе причастенъ злу; но онъ старъ, дряхль и не въ силахъ предаваться постояннымъ занятіямъ, а, между тѣмъ, несмотря на свои лѣта, такой же охотникъ, какъ и другіе, до *разульной жизни*. Предаваясь удовольствіямъ, онъ оставилъ окружающимъ его широкое поле злоупотребленій. Керимъ-Паша, реисъ арміи, храбрый воинъ, доказывавшій готовность возстановить дисциплину; но и онъ не безукоризненъ. Новыя преступленія въ лихоимствѣ открывались безпрестанно. Разъ арестованъ былъ реисъ *меджлиса* (**), съ своимъ казначеемъ, за похищеніе 300,000 піастровъ. Въ другой разъ, лива Ахметъ-Паша, стакнувшись съ полковниками Этемъ-Беемъ и Мустафа-Беемъ, уморилъ съ голода и холода войска, находившіяся подъ его командою, на квартирахъ при Олти и Бардезѣ.

«Четыре баталіона — пишетъ адъютантъ полковника Вилліамса, поручикъ Тисдель — сократились до 1,115 человекъ; остальные умерли или больны. Больные солдаты кучами напиханы въ мрачныхъ и сырыхъ жилищахъ, валяются на гнилой соломѣ, которую никто не думаетъ перемѣнять; лишены дровъ, мяса, риса, покрытые струпами, такъ что невозможно приблизиться къ нимъ, эти несчастные ежедневно умираютъ отъ опустошительнаго тифуса.»

«Турецкія власти — пишетъ баронъ фонъ-Шварцбургъ, командовавшій кавалерійскимъ корпусомъ, отряженнымъ въ Топ-

(*) Дефтердаръ — главный казначей въ турецкой арміи.

(**) Меджлисъ — совѣтъ интендантства, состоящій при арміи.

ракъ-Кале — оставляють моихъ людей умирать съ голода; эти власти наложили пошлину въ свою пользу на рись, доставляемый къ намъ изъ Персіи, и тѣмъ препятствуютъ ввозу товара, необходимаго для карскаго гарнизона.»

Другія свидѣтельства, собранныя въ оффиціальной перепискѣ, сходны съ приведенными.

«Честь имѣю обратить ваше вниманіе—пишетъ докторъ Сандвичъ—на медикаменты, присылаемые сюда центральною аптекою въ Константинополь. Повидимому, синьоръ Делла-Суда имѣетъ только одну цѣль: очистить свои магазины отъ запасовъ. Кромѣ испорченныхъ хирургическихъ инструментовъ, давно уже не годныхъ къ употребленію или употребляемыхъ только акушерами для женской хирургіи, мы получили множество снадобьевъ, изъ которыхъ одни испорчены, другіе бесполезны: одеколонъ и банки съ помадою. Синьоръ Делла-Суда пріобрѣтаетъ, такимъ образомъ, ежегодно огромныя суммы, которыми дѣлится съ военнымъ министромъ Риза-Пашою. Прислуга въ госпиталяхъ находится въ самомъ жалкомъ положеніи; аптекари, послѣ сраженія при Кюрукъ-Дере, раскрали всѣ медикаменты, хотъ нѣсколько цѣнные, и потомъ продавали ихъ подъ видомъ добычи, отнятой у Русскихъ. Лекаря и полковые хирурги — невѣроятные невѣжды... Источникъ всего зла—въ Константинополь: профессора въ школахъ получаютъ мѣста ради интригъ или денегъ; потомъ, въ свою очередь, они покоряются вліянію тѣхъ же причинъ и раздають дипломы, ничуть не принимая въ расчетъ истиннаго достоинства кандидатовъ.»

— «Опять полковники стали красть рись у солдата, пишетъ въ другой разъ поручикъ Тисдель. Полковники посылають своихъ солдатъ рубить лѣсъ и потомъ продають дрова въ свою пользу... Полковники крадутъ казенныя деньги и при покупкѣ лошадей для правительства. Вообще, казна назначаетъ десять фунтовъ стерлинговъ на лошадь; а они покупають дрянныхъ лошадей за четыре или пять фунтовъ, остальные кладутъ себѣ въ карманъ.»

— «*Дефтердаръ* — пишетъ полковникъ Вилліамсъ къ Сирри-Пашѣ — обвиняетъ васъ въ томъ, что вы спекулируете бѣдствіями арміи, принуждая крестьянъ продавать вамъ низко цѣною хлѣбъ, который вы потомъ перепродаете султану съ большимъ барышемъ для себя. Васъ обвиняють также въ томъ,

что вы принудили его, через посредничество Керимъ-Паши, заплатить вамъ 75,000 піастровъ для васъ самихъ и 50,000 для послѣдующихъ расходовъ. Эти послѣдующіе расходы въ сущности есть доля той кражи полковниковъ, которые грабятъ своихъ солдатъ. Предупреждаю васъ, что я не позволю вамъ присоединиться къ общему грабительству.»

Мы усомнились бы въ такомъ полномъ разрѣшеніи, еслибъ не имѣли свидѣтельства самаго оттоманскаго правительства. Инструкціи, составленныя великимъ визиремъ и сераскиромъ, не оставляютъ, въ этомъ отношеніи, ни малѣйшаго сомнѣнія. Представляемъ вѣрную копію текста:

«Армія, на которую наиболѣе рассчитывало правительство, при началѣ войны, была анадолійская армія. Чтобы довести ее до разстройства, въ какомъ она теперь находится, надо было много ошибокъ со стороны начальниковъ, съ самаго начала войны. Одни заслуживаютъ упреки въ безпечности и неспособности; другіе же, кромѣ того, оказались виновными въ злоупотребленіяхъ всякаго рода.»

«Военныя операціи ведены были безсмысленно и сумасбродно. Слѣдовало начать съ того, чтобы успокоить и оказывать покровительство народамъ, изъявившимъ свою покорность и предложившимъ свои услуги. вмѣсто того, они были преданы ярости баши-бузукъ, которые всюду распространяли ужасъ своимъ звѣрствомъ. Подданные султана были первыми жертвами этихъ бродягъ.»

«Гнусный обычай обкрадывать правительство достоинъ осужденія во всякое время; но особенно заслуживаетъ онъ казни въ то время, когда Порта ведетъ борьбу, которая можетъ рѣшить ея судьбу. Теперь обязанность каждаго человѣка, сохраняющаго въ глубинѣ сердца хотя малѣйшее чувство чести и патріотизма, удерживаться отъ подобнаго казнокрадства и не отступать съ пути честности. Люди недостойные воспользовались смутными временами, чтобъ удовлетворить своимъ частнымъ выгодамъ на счетъ правительства: такимъ образомъ, одни покупали хлѣбъ по низкимъ цѣнамъ и потомъ перепродавали его правительству вдвое дороже истинной цѣны, у другихъ же достало безстыдства воровать часть раціоновъ, назначенныхъ для императорской арміи, о которой слѣдовало бы имъ пендись болѣе, чѣмъ о самихъ себѣ. Таковыя предосудительныя дѣйствія

привели въ упадокъ всю армію, довели солдатъ его императорскаго величества до бѣдствія и исполнили глубокою скорбью сердца всѣхъ вѣрноподанныхъ султана. Вассифъ-Паша, немедленно по прибытіи своемъ, долженъ произвести слѣдствіе о дѣйствіяхъ высшихъ и низшихъ чиновниковъ и, арестовавъ виновныхъ, прислать ихъ сюда, для наказанія по законамъ. Высокая Порта вознамѣрилась не оставлять безъ наказанія злодѣяній этихъ лицъ, которые, по своей развращенности, упали на самую низкую ступень челоуѣчества. Ни санъ, ни связи не исходатайствуютъ виновнымъ ни малѣйшаго снисхожденія. Непремѣнное намѣреніе императорскаго правительства состоитъ въ томъ, чтобы Вассифъ-Паша, не обинуясь, очистилъ армію отъ этой шайки грабителей; но Вассифъ-Паша не долженъ забывать, что, разъ ступилъ на эту дорогу, не надо уклоняться съ нея: въ противномъ случаѣ, безпорядки пойдутъ своимъ чередомъ. Еще долженъ онъ помнить: недостаточно самому главнокомандующему быть честнымъ: надо, чтобъ онъ и своихъ подчиненныхъ не допускалъ воровать; надо ему обращать величайшее вниманіе на поставку продовольствія для арміи, предупреждать злоупотребленія, пеcись о точной выдачѣ раціоновъ,—словомъ, всѣ свои заботы посвятить благосостоянію своего войска. Чтобъ убѣдить его превосходительство въ важности предлагаемыхъ ему совѣтовъ, мы считаемъ нужнымъ напомнить ему, что гнусныя злоупотребленія, совершенныя въ Арзерумѣ и Карсѣ, извѣстны во всей Оттоманской имперіи и даже сдѣлались предметомъ разговоровъ въ Европѣ. Честь и любовь къ отечеству заставляютъ насъ считать долгомъ не допускать, чтобы нѣсколько гнусныхъ тварей, не заслуживающихъ имени людей, разславлили насъ апатичнымъ и развращеннымъ народомъ. Итакъ, Вассифъ-Пашѣ вручается полная власть дѣйствовать съ величайшею строгостію... Если его превосходительство небрежно исполнить порученное ему изслѣдованіе, если по какой бы то ни было причинѣ, онъ утаитъ факты, доведенные до его свѣдѣнія, то онъ будетъ отвѣчать за то Портѣ—въ этомъ мірѣ, и Богу—въ будущемъ.»

Не должно забывать, что министръ, составлявшій для мушира столь краснорѣчивыя наставленія, былъ тотъ самый Риза-Паша, котораго лордъ Стратфордъ, въ своихъ депешахъ, заклеимилъ «беззаконнымъ правленіемъ». Его имя замѣшано было въ сущности всѣхъ несправедливостей, всѣхъ интригъ, всѣхъ злоупотре-

треблений. Благодаря его безопасности, армія съ самаго начала войны была брошена безъ ресурсовъ, въ глубинѣ Азіи. Не одинъ онъ былъ виновенъ: его преемникъ Мегметъ-Рушди-Паша противопологалъ всѣмъ требованіямъ лорда Стратфорда то же упорное бездѣйствіе. Несчастливая анатолійская армія наканунѣ кампании, въ которой суждено было ей погибнуть, не получала ни жалованья, ни одежды, ни военныхъ припасовъ, ни подкрѣпленій.—«Повидимому—пишетъ полковникъ Вилліамъ, 2 апрѣля 1855 года—константинопольскія власти находятъ тайное удовольствіе въ гибели единственной арміи, остающейся у нихъ въ Азіи. Несмотря на всѣ мои представленія о нашихъ всякаго рода лишеніяхъ, мы до сихъ поръ не получали ни башмаковъ, ни ранцевъ для нашей пѣхоты, ни сапоговъ, ни сабель для нашей кавалеріи; ни одного солдата не прислали къ намъ на подмогу.» — «Турки—сказалъ лордъ Стратфордъ, въ отвѣтъ на жалобы полковника Вилліамса—Турки дѣлаютъ все, что могутъ; но позвольте мнѣ замѣтить вамъ, что въ администраціи царствуетъ не меньшій безпорядокъ, какъ и въ арміи. Повсюду недостатокъ въ честности, умѣ, патріотизмѣ; финансы расхищены, средства страны истощены. Правительство, въ своемъ безсиліи создать регулярную армію, дошло до того, что призвало подъ своя знамена не дисциплинованныя орды.»

Какъ обыкновенно бываетъ въ имперіяхъ, дошедшихъ до послѣдней степени хилости, время проходило въ преніяхъ, предположеніяхъ, слѣдствіяхъ, предписаніяхъ,—словомъ, въ словахъ и словахъ. Дѣло не дѣлалось. Шла ли рѣчь объ отправленіи въ армію одежды и оружія, требуемыхъ полковникомъ Вилліамсомъ, сераскиръ невозмутимо отвѣчалъ, что подводы отправлены уже въ Азію. Потомъ, когда никто и ничто не являлось въ Азію, онъ выставлялъ передъ лордомъ Стратфордомъ дѣйствительныя или мнимыя причины замедленія: подводы отправляются, подводы отправлены, подводы прибыли въ Требизондъ, и—невѣроятная вещь—годъ спустя, когда карсскій гарнизонъ сдавался на капитуляцію, сераскиръ объявлялъ лорду Стратфорду, что, точно, вещи, оружіе, военные припасы прибыли въ Требизондскій портъ, но съ той поры невозможно было узнать, что съ ними стало! Точно тоже было и съ жалованьемъ. Султанъ издалъ фирманъ, которымъ повелѣвалось отправлять въ Карсъ 43,000 кошелевъ; но министръ финансовъ, вмѣсто отправки денегъ,

затѣялъ съ дефтердаромъ нескончаемую переписку, предварительно требуя отъ него отчета въ суммахъ, выданныхъ, въ прошломъ году, Мустафѣ-Зарифъ-Пашѣ. Но такъ какъ никто не вѣдалъ, какое онъ сдѣлалъ изъ нихъ употребленіе, то время пропадало въ слѣдствіяхъ и взаимныхъ укоризнахъ. Дефтердару было выдано 10,000 кошельковъ, да, кромѣ того, въ его кассѣ находилось 1,500 кошельковъ, назначенныхъ для удовлетворенія мелкихъ, ежедневныхъ расходовъ. Что касается до подкрѣпленій, то диванъ, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, сознавался, что не имѣетъ никакой возможности присылать ихъ. Рекрутскій наборъ въ дѣйствительности доставляетъ только 18 или 20,000 человекъ ежегодно; резервы были собраны въ полномъ числѣ; также собранъ уже и наборъ съ провинцій, подвластныхъ имперіи. Однако, Турки имѣли не болѣе 140,000 человекъ подъ ружьемъ, изъ которыхъ 50,000 находились въ Булгаріи, 60,000 въ Крыму, 30,000 въ Азіи.

Положеніе Турокъ съ этой стороны было самое критическое. Одинъ карскій гарнизонъ поглощалъ 18,000 человекъ; въ гарнизонѣ Батума находилось отъ 7 до 8,000. Но и этого числа едва было достаточно для занятія сихъ пунктовъ. Въ случаѣ нападенія Русскихъ, надо было не менѣе 20,000 человекъ для обороны второстепенныхъ проходовъ въ горахъ и для прикрытія Арзерума. Но это было еще не все: глава курдовъ Ездемиръ-Бей взбунтовалъ горныя племена, окружающія озеро Ванъ. Два баталіона, набранные между этими племенами, дезертировали съ оружіемъ и обозомъ. Возмущеніе, поддерживаемое политикою Россіи, усиленное ненавистію къ рекрутскому набору, наложенному султаномъ Махмудомъ силою оружія на этихъ дикихъ горцевъ, постепенно распространялось и угрожало общимъ возстаніемъ. Греческое и армянское населенія, угнетаемыя Турками, въ продолженіе многихъ столѣтій, толковали съ видимымъ удовольствіемъ, что Русскіе приходили въ Арзерумъ въ 1828 году и скоро опять придутъ. Всѣми силами, они помогали непріятелю, извѣщали его о малѣйшихъ подробностяхъ въ арміи турецкой, тщательно скрывая отъ Турокъ приготовленія къ войнѣ, происходившія въ Гумри. Такимъ образомъ, русская армія до 30,000 человекъ могла сосредоточиться въ нѣсколькихъ часахъ передъ Карсомъ прежде, чѣмъ полковникъ Вилліамсъ могъ получить о томъ какое либо извѣстіе. Только 29 мая 1855 года, когда Рус-

скіе готовились уже въ походъ, подполковникъ Лекъ, отряженный въ Карсъ для наблюденія за фортификаціонными работами, сообщилъ Вилліамсу о намѣреніяхъ непріятели, приглашая его поспѣшить къ муширу. А муширъ, обуреваемый ужасомъ, собирався уже бросить крѣпость Карсъ и отправиться, съ своею арміею, въ Арзерумъ. Только сильное вліяніе полковника Вилліамса на умъ его могло заставить его рѣшиться остаться при своемъ постѣ.

Началась блокада Карса и готовилась совершенно ожидаемая развязка этой жалкой войны. Движеніе Русскихъ на Карсъ захватило врасплохъ турецкую армію. За неимѣніемъ подводъ, нельзя было доставить въ Карсъ огромнаго провіанта, заготовленнаго на противоположной покатости Соганлу-Дага. Нѣсколько магазиновъ пришлось даже бросить въ окрестныхъ селеніяхъ. Несмотря на такую неудачу, гарнизонъ имѣлъ еще жизненныхъ припасовъ на четыре мѣсяца; работы для укрѣпленнаго лагеря были покончены, и Карсъ былъ вооруженъ. Войска, обученіе которыхъ было предметомъ неусыпныхъ заботъ въ продолженіе всей зимы, въ состояніи были мужественно защищать занимаемыя ими укрѣпленія. Солдаты были увѣрены въ себѣ. Офицеры, столь постыдно бросившіе своихъ солдатъ во время сраженія при Кюрукъ-Дере, были выгнаны и замѣнены другими, которые показали смѣшленость и энергію. Оборона находилась подъ руководствомъ нѣсколькихъ англійскихъ офицеровъ высокаго достоинства, и, что всего надежнѣе, главная власть была въ рукахъ полковника Вилліамса, который твердо рѣшился защищаться до послѣдней крайности.

ОБОРОНА КАРСА.

I.

Весною въ 1855 году, положеніе обѣихъ армій было такое же, какъ и въ началѣ войны; только роли перемѣнились: Турки принуждены были строго держаться оборонительнаго положенія.

Въ Карсѣ находилось 18,000 человѣкъ войска, не включая въ это число баши-бузуковъ, городскихъ жителей, которые, въ числѣ 3,000, сами вызвались принять участіе въ защитѣ, и нестройныхъ шаекъ Лазовъ, которыхъ набралъ Шерифъ-Бей въ Ахалцихскихъ горахъ. Вели-Папа находился въ Топракъ-Кале съ 5 или 6,000 и охранялъ дорогу въ Персію, имѣя приказаніе, въ случаѣ нападенія на него, тотчасъ же отступить къ мосту на Араксѣ, въ Копри-Кей, потомъ въ ущелье Деве-Бойну, выходящее въ Арзерумскую долину. Полковникъ Вилліамсъ привелъ въ оборонительное положеніе обѣ эти позиціи, доставлявшія Вели-Пашѣ превосходную опору, достаточно сильную для того, чтобъ задержать на ней непріятели. Войска, бывшія въ Арзерумѣ, очистили городъ. Что же касается до батумской арміи, заключавшей въ себѣ не болѣе 7 или 8,000 войска, то она рѣшительно была не въ состояніи ничего предпринять.

Русскіе, напротивъ, предполагали начать наступательныя дѣйствія. Въ настоящее время, не было причинъ ограничиваться однимъ грозно наблюдательнымъ положеніемъ оттоманскихъ владѣній. Союзники Турціи, истощивъ всѣ дипломатическіе переговоры, прибѣгли къ оружію. Борьба длилась около года, и обстоятельства уже позволяли предвидѣть ся исходъ. Нравственное господство Россіи на западѣ подвергалось опасности; надо было удержать его на востокѣ. Судьба благоприятствовала Россіи; представился удобный случай уничтожить турецкую армію, оставленную въ Карсѣ, безъ всякой надежды на помощь. Не было даже необходимости нападать открытой силой, а, просто, только принять тѣсную блокаду на нѣсколько мѣсяцевъ. Овладевъ Карсомъ, этимъ неодолимымъ городомъ, который, въ продолженіе двухъ столѣтій, противостоялъ всѣмъ усиліямъ Персіянъ, Россія показала азіатскимъ народамъ, кто настоящіе распорядители судебъ Азіи, и безъ малѣйшаго риска достигла важнаго политическаго результата.

Генералъ Муравьевъ, командовавшій, въ этомъ году, кавказскою арміею, посвятилъ зиму всевозможнымъ приготовленіямъ, потребнымъ для его предпріятія. Главное затрудненіе, предстоявшее русскому главнокомандующему, заключалось въ средствахъ содержанія огромныхъ массъ войска, собранныхъ въ этихъ безлюдныхъ краяхъ; опытность прошедшаго хорошо выказала всю важность этого затрудненія. Во время своихъ по-

ходовъ въ Арменіи, генераль Паскевичъ часто принужденъ былъ останавливаться, по недостатку продовольствія. На этотъ же разъ, кромѣ естественныхъ препятствій, край былъ совершенно опустошенъ, такъ что надо было все подвозить изъ Грузіи. Несмотря на эти затрудненія, генералу Муравьеву удалось удовлетворить всѣмъ потребностямъ 50,000 арміи до половины холодной зимы слѣдующаго года. Этотъ фактъ заслуживаетъ особеннаго вниманія: имъ однимъ уже обнаруживается та обширность средствъ, которыя представляютъ кавказскія провинціи Россіи для осуществленія ея замысловъ на Азію.

Въ теченіе мая, Русскіе сосредоточили свои силы въ окрестностяхъ Гумри и Ахалкалаки. Въ составѣ блокаднаго корпуса находилось: до 28,000 пѣхоты, 7,500 кавалеріи, 64 орудія. Крѣпость Ахалцихъ была занята сильнымъ гарнизономъ, который впослѣдствіи долженъ былъ содѣйствовать успѣхамъ арміи. Въ Гуріелѣ, князь Багратіонъ-Мухранскій, съ туземною милиціею и частію линейныхъ войскъ, удерживалъ батумскихъ Турокъ. Эриванскій отрядъ, подъ командою генерала Сулова, наблюдалъ за Вели-Пашою въ Евфратской долинѣ.

Въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца, русская армія двинулась тремя колоннами, подъ командою генераловъ Гагарина, Нирода и Ковалевскаго. Первыя двѣ колонны заняли позицію при Агджа-Кале, въ ожиданіи, пока третья, подъ командою генерала Ковалевскаго, займетъ Ардаганъ. Лазы, набранные Шерифъ-Беемъ, были собраны большею частію при послѣднемъ пунктѣ; они не дождались даже прибытія Русскихъ, чтобы разбѣжаться и убраться восвояси. Взорвавъ на воздухъ стѣны Ардаганской крѣпости, генераль Ковалевскій поворотилъ къ Агджа-Кале, гдѣ и соединился съ генераломъ Муравьевымъ. Между тѣмъ, два европейскіе офицера, находившіеся въ турецкой службѣ, англійскій—полковникъ Лекъ, и нѣмецкій—баронъ Шварцбургъ, съ двумя полками кавалеріи и отрядомъ баши-бузуковъ, вышли изъ Карса для развѣдыванія о непріятелѣ и очутились передъ его главнымъ аванпостнымъ карауломъ близъ сел. Маура. Заязалась перестрѣлка. Обмѣнявшись нѣсколькими ружейными выстрѣлами съ казаками, Турки дали тылъ и увлекли своимъ примѣромъ свою регулярную кавалерію, которая обратилась въ рѣшительное бѣгство. Такое печальное начало не отняло, однако, мужества у полковника Лека. На другой день, онъ снова высту-

пилъ противъ Русскихъ, армія которыхъ, перейдя черезъ Карсъ-Чай, по Заимскому мосту, двигалась по равнинѣ, простиравшейся у подножія города и высотъ Кара-Дага. Полковникъ Лекъ тотчасъ же остановилъ казаковъ, составлявшихъ авангардъ. Плохо ему пришлось: казаки, пробившись черезъ ряды баши-бузуковъ, съ такою силою ударили на его кавалерію, что она опять обратилась въ бѣгство и пришла въ совершенное разстройство. Чтобы спастись отъ казацкихъ пикъ, турецкіе кавалеристы бросались съ своихъ лошадей и прятались въ необыкновенно высокую траву, покрывающую эту плодоносную равнину. Нѣкоторые были убиты или захвачены въ плѣнъ; остальные же съ большимъ трудомъ сосдинились за стѣнами крѣпости. Полковникъ Лекъ попытался было еще разъ двинуть Турокъ впередъ; но новое усиліе не было счастливѣе прежнихъ. Достаточно было нѣсколькихъ ракетъ, пущенныхъ Русскими, чтобъ въ безпорядкѣ отбросить нападающихъ на ихъ собственныя линіи. Пришлось отказаться отъ атаки. «Покрайней мѣрѣ — философически замѣчаетъ полковникъ Лекъ—эта схватка показала намъ то, что мы не могли извлечь ни малѣйшей пользы изъ нашей кавалеріи.»

Въ это время, генералъ Муравьевъ производилъ рекогносцировку позиціи, занятой Турками.

Городъ Карсъ возвышался уступами по склону утеса, на вершинѣ котораго стоитъ древняя цитадель, выстроенная султаномъ Мурадомъ (*). Этотъ утесъ одиноко отдѣляется отъ края голыхъ холмовъ, образующихъ послѣднія отрасли Чилдирскихъ горъ, замыкающихъ равнину съ сѣверной стороны. Карсъ-Чай, неглубокая, но быстрая и широкая рѣка, протекаетъ у подошвы этихъ горъ, огибаетъ утесъ, поддерживающій городъ, и наконецъ вступаетъ въ оврагъ, берега котораго состоятъ изъ высокихъ и крутыхъ обрывовъ. Такимъ образомъ, рѣка раздѣляетъ мѣстность на двѣ части: на лѣвомъ берегу—нагорная равнина Тчахмахская, а на правомъ—городъ, цитадель и Карадагскія высоты. Цитадель представляетъ нѣсколько оградъ, фланкированныхъ башнями. Самый городъ окруженъ толстою каменною стѣною и валомъ съ бастіономъ, который съ одной стороны соединяется съ цитаделью, а съ другой—съ укрѣпленіями Кара-Дага. Полная длина линіи огня около трехъ верстъ. Предмѣстья

(*) Положеніе Карса напоминаетъ Константинополь.

выступаютъ на равнину и прикрыты стѣною и болотами, что затрудняетъ всякій къ нимъ доступъ. Крутизна утеса съ сѣверной стороны, многочисленныя укрѣпленія, которыми уставлена южная сторона, дѣлали нѣкогда Карсъ одною изъ самыхъ сильныхъ крѣпостей Азіи; но тогда артиллерія была еще въ младенчествѣ. Нынѣ всѣ эти укрѣпленія не представляютъ большой важности. Дѣйствительно, Тчамахское плато на лѣвомъ берегу рѣки совершенно господствуетъ надъ горсдомъ. Это плато составляетъ ключъ позиціи. Генераль Паскевичъ, захвативъ его врасплохъ, въ 1828 году, и поставивъ на немъ свои батареи, навѣснымъ огнемъ ихъ, принудилъ, въ нѣсколько часовъ, гарнизонъ сдаться. Въ 1855 году, положеніе было уже не то. Наученные опытомъ, Турки заключили въ свои линіи ближайшую къ городу часть кряжа и старались еще болѣе усилить съ этой стороны свою оборонительную систему. На правомъ берегу два огромныя земляныя укрѣпленія занимали вершины Кара-Дага. Эти укрѣпленія, образуя вмѣстѣ съ цитаделью треугольникъ, позволяли на дальнемъ разстояніи обстрѣливать равнину и подступы къ укрѣпленному лагерю, въ которомъ были расположены главныя силы турецкой арміи. Правый берегъ представлялъ неприступную мѣстность. Генераль Муравьевъ рѣшилъ обойти ее.

Перейдя Карсъ-Чай и проникнувъ въ горы, онъ сталъ угрожать Тчамахской нагорной равнинѣ, подступы къ которой не такъ утесисты, какъ къ Карадагской. Этимъ движеніемъ онъ прерывалъ сообщенія по большой дорогѣ изъ Арзерума въ Карсъ. Ясно, что это предпріятіе вполне соответствовало обстоятельствамъ. Правда, что для исполненія онаго надо было въ виду непріятеля совершить фланговое движеніе; но Турки не страшный непріятель: дѣйствительно, они не рѣшались тревожить русскую армію. Это движеніе арміи представляло изъ города самую величественную картину: пѣхота двигалась двумя колоннами, имѣя въ промежуткахъ артиллерію: такимъ образомъ, она сохраняла свой боевой порядокъ и въ одну минуту могла образовать строй въ двѣ линіи; далѣе тянулась параллельно третья колонна, расположенная въ томъ же порядкѣ и назначенная служить резервомъ; еще далѣе слѣдовали обозы; два драгунскіе полка, съ двумя батареями донской артиллеріи, составляли боковой отрядъ арміи; вдали, на равнинѣ, блистала иррегулярная

конница изъ безчисленнаго множества племень, различныхъ религій, нравовъ, нарѣчій, которыя живутъ подъ скипетромъ Россіи, сохраняя свою національность.

Образованіемъ русской иррегулярной конницы Россія обязана мудрой политикѣ генерала Паскевича. Зная, что деньги непреодолима приманка для этихъ дикихъ и воинственныхъ племень, Паскевичъ, во время своего похода въ 1828 году, не колеблясь, призвалъ ихъ подъ свои знамена и изъ враговъ сдѣлалъ своими вѣрными союзниками. Съ этой поры, Россія не переставала содержать полки иррегулярной конницы, набранные между самыми безпокойными племенами. Лазы, Каракалпаки, Аджары, изъявляли желаніе вступить на службу подъ знамена генерала Муравьева. Полковникъ Лорисъ-Меликовъ, потомокъ грузинскихъ князей Лорисовъ, наwerbовалъ на Кавказѣ многочисленный корпусъ конницы, въ которомъ говорили на семидесяти нарѣчійхъ этого края, называемаго на востокѣ характеристическимъ именемъ «Гора Языковъ». Даже населенія, еще подвластныя Турціи, доставляли опредѣленное число рекрутъ въ русскую армию. Изъ однихъ Курдовъ образовалось четыре прекрасные полка. Между всѣми ними, отрядъ грузинскихъ владѣтелей рѣзко отличался богатствомъ одежды, вооруженія и красотою лошадей, окрашенныхъ въ красный пвѣтъ, по персидской модѣ.

Русская армія сдѣлала привалъ въ деревнѣ Мангарджикѣ. Непрерывные дожди держали ее въ бездѣйствіи до іюня; однако, отряды казаковъ, подъ командою генерала Бакланова, пренебрегая разлитіемъ рѣкъ, доходили набѣгами до подножія Соганлу-Дага и отбивали въ деревняхъ запасы хлѣба, которые Турки принуждены были тамъ оставить. Казаки провѣдали также о существованіи огромныхъ запасовъ, заготовленныхъ на противоположной сторонѣ горъ. Весьма важно было отнять ихъ у осажденныхъ, и потому первою заботою генерала Муравьева было сдѣлать попытку съ этой стороны, лишь только время позволить. Оставивъ часть своихъ силъ для охраненія своего стана, перенесеннаго имъ на недоступныя высоты Каникеи, онъ взялъ съ собою 15 баталіоновъ пѣхоты, 3 полка драгунъ, 3 казачьи полка, 40 орудій и направился въ горы. Въ то же время, дано было приказаніе генералу Суслову не терять изъ вида Вели-Пашу, который могъ бы перейти чрезъ Дели-Бабское ущелье на противоположную сторону Соганлу-Дага и тѣмъ

воспрепятствовать предпринятымъ дѣйствіямъ. Очевидно, что русскій главнокомандующій преувеличивалъ возможность противодѣйствія со стороны Турокъ. Безъ выстрѣла онъ занялъ укрѣпленія, возведенныя на вершинѣ горы: Турки оставили ихъ не доконченными, не думая вовсе ни о защитѣ, ни о сохраненіи оныхъ. Русская пѣхота сдѣлала привалъ въ этомъ мѣстѣ; одна кавалерія спустилась по противоположному скату Соганлу-Дага и захватила врасплохъ, при Бардезѣ, Сирри-Пашу и нѣсколько сотъ баша-бузуковъ, которые едва успѣли спастись, бросивъ магазины, съ такими трудами накопленные полковникомъ Вилліамсомъ. Между тѣмъ, потерянное продовольствіе могло бы доставить гарнизону возможность продолжить двумя мѣсяцами сопротивленіе и дожидаться того времени, когда зимняя стужа принудила бы Русскихъ снять блокаду. «Намъ не удалось достать ни денегъ, ни повозокъ въ достаточномъ количествѣ, чтобы перевести сюда это продовольствіе—пишетъ полковникъ Вилліамсъ, съ чувствомъ очень понятной скорби — тогда какъ мы видимъ, что непріятель располагаетъ огромнѣйшими средствами перевозки.... Даже, въ эту самую минуту, изъ Гумри прибылъ къ нему обозъ изъ 5,000 аровъ и 2,000 верблюдовъ.» Русскіе, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, опустошили магазины, которыми завладѣли. Казаки рыскали далеко внутрь края и захватили, такимъ образомъ, огромный обозъ, спокойно тянувшійся къ Бардесу. Увѣрившись, что все непріятельское продовольствіе отбито или уничтожено, генералъ Муравьевъ снова сосредоточилъ свою армію подъ Карсомъ. 3 іюля, она уже возвратилась, и, въ продолженіе всего движенія, Турки даже не потревожили ее. Жители горъ, которые, со времени послѣдней войны, энергично содѣйствовали защитѣ края, на этотъ разъ выходили на встрѣчу русскому генералу съ хлѣбомъ и солью, въ знакъ мира и дружбы. Вели-Паша, вмѣсто того, чтобъ отправиться къ Бардесу, при первомъ извѣстіи о движеніи Русскихъ, поспѣшилъ возвратиться къ своимъ коприкейскимъ линіямъ. Настигнутый генераломъ Сусловымъ, прежде, чѣмъ успѣлъ перейти Дели-Бабское ущелье, онъ оставилъ у него въ рукахъ нѣсколько кавалеристовъ, Гассанъ-Агу, ихъ командира, и Бахлула (Bahloul), наслѣднаго баязедскаго пашу. Этотъ паша, довольно умный человекъ, чуждый всякихъ предрасудковъ, не избѣгалъ удобнаго случая попасться въ плѣнъ. Отдаваясь въ плѣнъ то Русскимъ, то Пер-

сіянамъ, онъ нашелъ средство оказать услугу генералу Паскевичу. Это тотъ самый паша, который своими интригами убѣдилъ ванскаго и мухскаго пашей оставаться спокойными зрителями борьбы, которую вела Турція въ 1828 году.

По возвращеніи своемъ, генералъ Муравьевъ располагалъ стѣснить Турокъ въ ихъ линіяхъ. Съ главными силами своего войска, онъ расположился близъ деревушки Бюукъ-Тикме, лежащей на большой Арзерумской дорогѣ, въ трехъ часахъ отъ Карса. Такимъ образомъ, онъ вполне прерывалъ сношенія чрезъ Соганлугское ущелье. Отрядъ изъ 8 баталіоновъ пѣхоты, 2 батарей, 2 кавалерійскихъ полковъ тщательно наблюдалъ крѣпость. Казаки и иррегулярная конница безъустали рыскали по окрестностямъ и подходили даже подъ карскія укрѣпленія, нападая на фуражировъ, иногда выходившихъ изъ города. Между тѣмъ, нѣсколько обозовъ со съѣстными припасами изъ Олты, съ большими объѣздами слѣдуя по дорогѣ Ардаганекой, пробиралось къ Карсу; но вскорѣ осажденные лишились и этой помощи: въ концѣ іюля, отрядъ ахалцихскаго гарнизона занялъ оба склона горъ, раздѣляющихъ Ардаганскую равнину отъ Карсской. Такимъ образомъ, городъ былъ обложенъ вполне.

Русская армія заняла тогда позиціи, весьма искусно выбранныя. Главная квартира генерала Муравьева находилась въ Чивтли-Чаѣ; графъ Ниродъ былъ въ Каникеѣ, полковникъ Едигоровъ (?) — въ Хаджи-Вели-Кеѣ, генералъ Баклановъ — въ Меликъ-Кеѣ, полковникъ Дундуковъ-Корсаковъ — въ Боцгали, полковникъ Унгернъ-Штернбергъ — при озерѣ Айгеръ-Гелѣ, генералъ Базинъ — въ Марагѣ. Вся сила этихъ различныхъ корпусовъ, по исчисленію полковника Вилліамса, состояла изъ 33 баталіоновъ пѣхоты, 100 запряженныхъ орудій и болѣе 10,000 человекъ кавалеріи. Кромѣ того, они ожидали еще подкрѣпленій, которыми можно было свободно располагать, по очищеніи портовъ Чернаго моря. Слабѣ численностію, гораздо ниже дисциплиною, турецкая армія не имѣла никакой возможности начать наступательныя дѣйствія и не могла ожидать никакой помощи. Последнее печальное извѣстіе доставилъ муширу сераскиръ: онъ рѣшительно не могъ отдѣлить ни малѣйшей части войска, находившагося въ Булгаріи и въ Крыму. Правда, диванъ задумывалъ планы произвести диверсію въ Грузію, для того, чтобы вынудить генерала Муравьева снять блокаду Карса;

но, для приведенія въ исполненіе этого плана, надо было дождаться взятія Севастополя, чѣмъ освободилась бы турецкая крымская армія. Въ настоящую же минуту, единственныя войска, которыя онъ могъ послать въ Арменію, состояли изъ 2 баталіоновъ пѣхоты, 4 эскадроновъ и нѣсколькихъ сотенъ чело-вѣкъ, принадлежавшихъ къ дарданельской артиллеріи. Въ дѣйствительности же у Вели-Паши было не болѣе 5 или 6,000 чело-вѣкъ регулярнаго войска, къ которому присоединилось еще почти такое же число баши-бузуковъ, болѣе способныхъ грабить, чѣмъ сражаться. Съ подобными войсками, ему невозможно было и думать что либо предпринять противъ Русскихъ. По этой причинѣ, онъ скрылся за коприкейскія укрѣпленія, но вскорѣ принужденъ былъ оставить и эту позицію. 31 іюля 1855 года, генералъ Муравьевъ вторично перешелъ чрезъ Соганлу-Дагъ; 2 августа, онъ соединился, у моста на Араксѣ, съ генераломъ Суловымъ, который, съ своей стороны, прошелъ чрезъ Дели-Бабское ущелье. Вели-Паша въ ночь отступилъ къ своимъ линіямъ при Деве-Бойну, но даже и тутъ, повидимому, не расположенъ былъ ждать непріятели. Арзерумскія власти находились въ большомъ смятеніи, и не таковъ былъ видъ войска, предводительствуемаго Вели-Пашою, какой могъ успокоить ихъ. Никакихъ мѣръ не было принято для обороны города и позицій; полный безпорядокъ царствовалъ въ турецкомъ станѣ: орудія, отдѣленные отъ своихъ зарядныхъ ящиковъ, были разбросаны между обозомъ; солдаты блуждали, куда глаза глядятъ; баши-бузуки разбѣжались, а сойдясь въ Арзерумѣ, смѣшались съ несчастными жителями равнины, которые, со своими семействами и скотомъ, искали убѣжища въ городѣ. Курды, спустившись съ горъ, грабили и жгли деревни.

«Подлое и бессмысленное поведеніе нашихъ пашей — пишетъ англійскій консулъ Брандтъ (*) — лишило насъ всякой возможности сопротивляться непріятелю. Нѣтъ сомнѣнія, что

(*) «Я уже обращалъ вниманіе вашего сіятельства — писалъ консулъ къ лорду Кларендону — на опасную роль, которую должны играть въ этомъ краю Курды, въ случаѣ войны съ Россією. Какъ я предвидѣлъ, они ведутъ себя заклятыми врагами султанскаго могущества.» Это заслуживаетъ особеннаго вниманія. Курды, дѣйствительно, одинъ изъ элементовъ разложенія Оттоманской имперіи. Они живутъ въ странѣ между Араратомъ и Тавромъ и, при малѣйшемъ возмущеніи, перерѣзываютъ сообщенія между Мессопотамією и остальною имперією.

нашъ городъ будетъ оставленъ и разграбленъ сперва Турками, потомъ Русскими.» Къ счастью, генераль Муравьевъ и не думалъ преслѣдовать Вели-Папу. Довольный его отступленіемъ, русскій главнокомандующій приказалъ скрыть окопы, возведенные въ Коприкѣ, и, оставивъ на этомъ пунктѣ отрядъ генерала Сулова, опять двинулся по дорогѣ къ Карсу.

Между тѣмъ, положеніе осажденныхъ становилось все болѣе и болѣе невыносимымъ. Продовольствіе быстро уменьшалось; ежедневная дача провіанта солдатамъ уменьшена на половину; жители города выносили тяжкія страданія. Отъ этого происходили ропотъ, возмущенія и побѣги. Цѣлыя толпы Лазовъ, бросая свои посты, пытались пробраться въ горы сквозь линіи Русскихъ. Величайшее бѣдствіе состояло въ томъ, что непріятель со дня на день получалъ самыя точныя свѣдѣнія обо всемъ происходившемъ въ городѣ. Такимъ образомъ, непріятель былъ предупрежденъ, что полковникъ Вилліамсъ вознамѣрился вывести изъ лагеря всю кавалерію, которая, погибая отъ бездѣйствія, не могла оказывать ни малѣйшей пользы. Первый отрядъ ускользнулъ отъ бдительности Русскихъ, и ему удалось присоединиться къ корпусу турецкаго войска, которое, подъ командою Али-Паши, занимало Ольту и Пеняки. Ободренный такимъ успѣхомъ, полковникъ Вилліамсъ выбралъ еще 1,200 лучшихъ кавалеристовъ и, присоединивъ къ нимъ 200 артиллерійскихъ солдатъ, партію баши-бузуковъ и дюжину пашей, съ которыми не зналъ что дѣлать, съ наступленіемъ ночи, приказалъ колоннѣ этой выйдти изъ Карса и пробраться въ горы; но, около десяти часовъ вечера, она наткнулась на русскій аванпостъ. Казаки напали на нее и раздѣлили на двѣ части. Арріергардъ спѣшилъ скрыться въ Карсѣ, главная же сила колонны пыталась было пробиться впередъ; но, слышавъ перестрѣлку и видя общую готовность непріятеля къ нападенію, Турки разсѣялись. Нѣкоторые изъ нихъ бросились въ деревню Сукуплиссъ, но были тамъ окружены и принуждены сдаться; другіе же, соскочивъ съ лошадей, пробовали было защищаться между скалами, но вскорѣ были вытѣснены изъ выгодныхъ мѣстъ пѣхотными войсками, подоспѣвшими на мѣсто сраженія. Двѣсти кавалеристовъ и нѣсколько сотъ лошадей достались Русскимъ. Остальнымъ удалось, лишь по одиночкѣ, достигнуть до корпуса Аали-Паши; но и въ составѣ отряда, находящагося подъ командою этого

генерала, не суждено было имъ надолго оставаться въ покоѣ: нѣсколько дней спустя, русскій отрядъ, подъ начальствомъ генерала Ковалевскаго, настигъ ихъ врасплохъ. Никто въ станѣ Турокъ не ожидалъ этого нападенія. Одинъ изъ начальниковъ Курдовъ прибылъ наканунѣ, чтобъ извѣстить Аали-Пашу о движеніи Русскихъ и объ опасности, грозившей ему; но Аали, возмущенный въ своемъ спокойствіи, приказалъ дать палокъ такому непріятному вѣстнику.

«Вечеромъ 9 сентября—говоритъ капитанъ Камеронъ—всадникъ, съ ужасомъ на лицѣ, подскакалъ къ ставкѣ командовавшаго отрядомъ Аали-Паши и закричалъ: «непріятель!» И, дѣйствительно, казаки уже показались на противоположномъ скатѣ долины. Аали-Паша далъ сигналъ: «къ конямъ!» При этомъ сигналѣ, баши-бузуки навьючили на своихъ лошадяхъ добычу, отнятую у окрестныхъ жителей, и рассыпались по всѣмъ направленіямъ. Регулярная же кавалерія, въ которой считалось около 1,200 лошадей, сохраняла порядокъ. Пока она становилась въ ряды, я предложилъ свои услуги для наведенія горныхъ гаубицъ; окруживъ орудія, артиллеристы стояли сложа руки. Было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ; но, когда ракеты, пущенныя Русскими, попали въ ряды кавалеріи, она смѣшалась и мало по малу обратилась въ бѣгство, сперва крупной рысью, потомъ галопомъ, и наконецъ совершенно исчезла, оставивъ на произволъ судьбы артиллерію, лагерь и своего генерала—Аали-Пашу, который съ самымъ безстрашнымъ видомъ отдавалъ приказанія убрать свою ставку и вещи. Тутъ я потерялъ его изъ вида и впоследствии узналъ, что, изъ желанія спасти свой обозъ, онъ не спасся самъ и попался въ руки Русскихъ.»

Такимъ образомъ, отъ осажденныхъ отдалялись всѣ послѣднія надежды на помощь. «Большая часть нашихъ вѣстныхъ припасовъ была уже уничтожена—писалъ полковникъ Вилліамсъ, въ началѣ сентября—солдату выдается только половина раціона, большею частію сухарь вмѣсто хлѣба и ничего больше. Денегъ нѣтъ. Мусульманское населеніе умираетъ съ голода; Армянамъ отданъ приказъ оставить городъ. Овса нѣтъ, едва хватаетъ фуража. Артиллерійскія лошади сущіе скелеты.» Городъ былъ тѣсно обложенъ, и полковникъ давно уже не получалъ ни малѣйшаго извѣстія извнѣ. Отважному предводителю Курдовъ удалось наконецъ пробиться сквозь цѣпь Русскихъ.

Онъ привезъ депеши отъ Омера-Паши, который извѣщалъ мушира о взятіи Севастополя и о сосредоточеніи на берегахъ Чорока турецкой арміи, собранной для освобожденія города. Хотя депеша составлена была въ довольно темныхъ выраженіяхъ, тѣмъ не менѣе, она принесла живую радость осажденнымъ. Сто выстрѣловъ изъ пушекъ возвѣстили о взятіи Севастополя. Повидимому, вѣсть о такой неудачѣ должна была произвести сильный упадокъ духа въ рядахъ Русскихъ, и каждый ожидалъ, что они стануть отступать. Ничуть не бывало: русскій главнокомандующій рѣшился, напротивъ, на отчаянный штурмъ, объясняемый, хотя не оправдываемый, воспоминаніями Очакова и Измаила (*). Мысль взять Карсъ открытою силою была единодушно принята генералами. Что касается до солдатъ, утомленныхъ продолжительностію блокады, то они съ восторгомъ приняли вѣсть о встрѣчѣ съ Турками. Привыкнувъ презирать этого врага, при всякомъ случаѣ бѣжавшаго отъ ихъ побѣдоносныхъ знаменъ, они ни на минуту не сомнѣвались въ успѣхѣ. Эта увѣренность стала для нихъ гибельною. Они забыли, что турецкій солдатъ лично храбръ и что только недостатокъ обученія и дисциплины уничтожаетъ его военныя качества: турецкій солдатъ, предоставленный самъ себѣ, снова находитъ врожденную ему неустрашимость и, подъ прикрытіемъ своихъ окоповъ, защищается съ упорствомъ, которое удивило бы насъ, еслибъ и въ другихъ обстоятельствахъ не замѣчались совершенные контрасты. Достаточно вспомнить испанскія войска въ эпоху ихъ разстройства и знаменитую оборону Сарагоссы.

II.

Очевидно было, что позиція, которою необходимо было овладѣть, находилась на кряжѣ Тчахмахскомъ. Крутые скаты этого кряжа господствуютъ на востокъ надъ долиною Чорокскою, на югъ—надъ долиною и рѣкою Карсъ-Чаемъ, на западѣ же отдѣляются отъ карадахскихъ утесовъ оврагомъ, въ который низвергается рѣка (**). Вершина представляетъ, вообще, довольно

(*) Все заставляетъ думать, что единственная цѣль у генерала Муравьева была та, чтобъ покрыть блистательнымъ подвигомъ впечатлѣніе, произведенное взятіемъ Севастополя.

(**) См. приложенную здѣсь карту, въ уменьшенномъ видѣ, составленную по картѣ, приложенной полковникомъ Леконъ при донесеніи объ осадѣ Карса.

ровную поверхность, удобную для свободнаго дѣйствія всѣхъ трехъ родовъ оружія. Частности мѣстоположенія, тѣмъ не менѣе, образуютъ двѣ совершенно отличныя другъ отъ друга нагорныя равнины, которыя называются, по имени двухъ маленькихъ деревушекъ: Шорахъ и Тчамахъ. Сначала Турки ограничились тѣмъ, что усилили окопами часть Тчамахской равнины, ближайшей къ городу. На гребнѣ, господствующемъ надъ окрестнымъ пространствомъ, они построили довольно значительныя укрѣпленія, могущія замѣнить цитадели. Блокгаузъ занималъ центръ этихъ укрѣпленій; бруствера, восемнадцати футовъ вышиною, были вооружены семью орудіями разныхъ калибровъ и одною мортирою. Эта постройка, которой англійскій инженеръ Лекъ далъ свое имя, образовала голову линіи укрѣпленій (англійскіе редуты), которая шла по исходящему углу равнины Тчамахской до самаго края оврага и, такимъ образомъ, соединялась съ карадагскими редутами, расположенными на противоположномъ берегу. Этихъ укрѣпленій достаточно было, чтобы поставить городъ внѣ опасности отъ внезапнаго нападенія, подобнаго тому, которое удалось Паскевичу; но они имѣли важное неудобство: надъ ними со всѣхъ сторонъ господствовала Шорахская возвышенная равнина. И потому, съ тѣхъ поръ, какъ Русскіе, проникнувъ въ горы, захватили позицію на противоположномъ скатѣ, Туркамъ предстояла необходимость охватить своими линіями весь кряжъ. Впрочемъ, позиція ихъ была сильна самою природою и требовала только небольшого числа укрѣпленій, чтобы быть окончательно приведенною въ оборонительное положеніе. Скаты, спускающіеся къ равнинѣ, обстрѣливались огнемъ нижняго лагеря и форта Лека. Со стороны Торакской долины, рядъ остроконечныхъ утесовъ образуетъ, на разстояніи восьмисотъ шаговъ, преграду почти непреодолимую. Только приближаясь къ нижней части долины, утесы исчезаютъ, уступая мѣсто болѣе ровной мѣстности. На этомъ пунктѣ, черезъ два небольшіе оврага, идутъ дороги на вершину террасы. Между оврагами, на возвышенности, занимающей центръ позиціи, Турки построили редутъ Юсекъ-Табіа. Этотъ редутъ былъ вооруженъ шестью орудіями, слѣва былъ фланкированъ небольшимъ люнетомъ Яримай-Табіа, вооруженнымъ двумя орудіями, а справа — длиннымъ ретраншементомъ (линіи Реннисонъ), который былъ вооруженъ четырьмя орудіями и доходилъ до са-

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R L

мыхъ утесовъ. Наконецъ, на другомъ краю этихъ утесовъ, маленькая батарея (Телекъ-Табіа), вооруженная двумя орудіями, командовала оврагомъ, спускавшимся къ Тчахмахскому селенію, и довершала, такимъ образомъ, оборону праваго фланга. Съ лѣвой же стороны, почти на 700 шаговъ отъ центрального редута Юксекъ-Табіа, находится другая возвышенность, которую Турки укрѣпили посредствомъ небольшой флешы, съ цѣлю противодѣйствовать первымъ усиліямъ наступающаго. Впослѣдствіи они отчасти сомкнули горжу этой флешы и, такимъ образомъ, устроили редуть, достаточный для помѣщенія 1,500 человекъ. Направо отъ этого редута (Ташмасъ-Табіа), флешь продолжалась на разстояніи ста шаговъ; налѣво она шла по крутому скату и внизу, на разстояніи 400 шаговъ, оканчивалась небольшимъ люнетомъ, поставленнымъ на краю уступа, который господствовалъ надъ долиною, при выходѣ ея чрезъ узкое ущелье на равнину. Люнетъ вооруженъ двумя орудіями, флешь—тремя орудіями, поставленными непосредственно возлѣ редута; самый же редуть вооруженъ шестью орудіями.

Всѣ эти укрѣпленія вмѣстѣ образовали линію, почти параллельную англійскимъ редутамъ, и были отъ нихъ отдѣлены промежуткомъ въ 1,800 шаговъ. Въ цѣломъ, вся эта оборонительная система имѣла то неудобство, что представляла ограду, слишкомъ обширную для обороны. Надо было не менѣе трехъ часовъ, чтобъ объѣхать верхомъ весь укрѣпленный лагерь. Между тѣмъ, въ гарнизонѣ считалось уже не болѣе 20,000 человекъ, такъ что муширъ могъ назначить на непосредственную защиту этихъ укрѣпленій только дивизію въ 6,000 человекъ. Она была составлена слѣдующимъ образомъ:

Первая бригада. — Генераль: *Черкесъ-Гуссейнъ-Даимъ-Паша*.

Человѣкъ.

1 баталіонъ пѣшихъ стрѣлковъ Арабистана 400 чел.;
 1, 2, 3, 4, 5 и 6-й баталіоны низама арабистанскаго 2,270. Всего. 2,670

Вторая бригада. — Полковникъ: *Яныкъ-Мустафа-Бей*.

1 баталіонъ гвардейскихъ пѣшихъ стрѣлковъ 520; 1 и 2 баталіоны 1-го полка анатолійскаго низама 650;

Человѣкъ.

1 и 2 баталіоны 2-го полка анатолійскаго редифа	
1,100. Всего	2,270
Лазовъ 330, спѣшенныхъ кавалериствъ 250, артилле- рисовъ 939. Всего (*)	6,459

Четыре баталіона анатолійскаго низама и редифа и Лазы были распределены въ фортѣ Лекъ и англійскихъ линіяхъ; баталіонъ пѣшихъ стрѣлковъ изъ Арабистана, 1 и 2 баталіоны низама того же корпуса занимали линіи Таммасскія; 3 баталіонъ занималъ Яримай-Табія, 4 баталіонъ Ренниссонскія линіи; три роты баталіона пѣшихъ стрѣлковъ гвардіи были размѣщены на скалахъ въ небольшомъ редутѣ Телекъ-Табія; пять остальныхъ ротъ, 5 и 6 баталіоны Арабистана, со спѣшенными кавалеристами и съ пятью запряжными орудіями, составляли резервъ въ центрѣ плато.

Оборона Таммасскаго плато была ввѣрена венгерскому генералу Кмети. Съ самаго начала войны, этотъ офицеръ дрался въ рядахъ Турокъ. Пламенная душа оживляла его тѣло, измученное трудами и страданіями; неутомимая дѣятельность и чрезвычайная храбрость дѣлали этого офицера превосходнымъ военнымъ начальникомъ. Онъ говорилъ на туземномъ нарѣчійи и въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ солдатами умѣлъ заслужить ихъ довѣренность и привязанность. Неустрашимость, выказанная Турками подъ его командою въ страшномъ штурмѣ 29 сентября 1855 г., представляетъ рѣдкій примѣръ вліянія, которое генералъ можетъ имѣть на свои войска.

Генералъ Муравьевъ рѣшился перенести всѣ свои усилія на укрѣпленія, защищающія Шорахскія высоты, вслѣдствіе чего онъ собралъ подъ рукою большую часть своего войска и образовалъ три штурмовыя колонны съ одною резервною. Еще двѣ колонны должны были производить диверсію и тѣмъ отвлекать часть гарнизона отъ главнаго пункта атаки. Слѣдующая таблица, необходимая для пониманія этого разсказа, покажетъ составъ корпусовъ, принимавшихъ участіе въ предстоявшемъ штурмѣ.

(*) Кромѣ того, имамы, писаря, музыканты, — всѣ были вооружены и поставлены въ надлежащихъ мѣстахъ, для обороны.

Генераль-лейтенантъ Ковалевскій.

	Человѣкъ.
6 баталіоновъ	5,301
8 драгунскихъ эскадроновъ	1,374
5 казачьихъ эскадроновъ	680
1 батарея пѣшей артиллеріи	194
1 батарея конной артиллеріи	194
1 батарея	49
	<hr/> 7,792

Генераль-маіоръ Майдель.

10 баталіоновъ	8,494
3 роты саперъ	669
2 роты стрѣлковъ	310
4 эскадрона казаковъ	499
1 батарея пѣшей артиллеріи	189
1 батарея легкой артиллеріи	168
1 батарея горной артиллеріи	86
	<hr/> 10,415

Генераль-лейтенантъ князь Гагаринъ.

4 баталіона	3,197
1 рота саперъ	224
1 рота стрѣлковъ	155
1 полубатарея пѣшей артиллеріи	96
	<hr/> 3,672

Генераль-лейтенантъ Бриммеръ.

10 баталіоновъ	8,380
1 стрѣлковая рота	155
4 казачьихъ эскадрона	520
1 эскадронъ грузинскихъ дворянъ	104
1 батарея пѣшей артиллеріи	150
1 батарея легкой артиллеріи	151
1 полубатарея легкой артиллеріи	79
2 осадныя орудія	72
	<hr/> 9,511

Генераль-маіоръ Баклановъ.

10 эскадроновъ драгунъ	1,559
11 эскадроновъ казаковъ	1,402
2 эскадрона иррегулярной конницы	148
1 батарея конной артиллеріи	179
	<hr/> 3,288

Т. ХУШ, Отд. II.

	Человѣкъ.
Генераль-маіоръ Базинъ.	
3 баталіона пѣхоты	1,636
1 рота милиціонеровъ Лориса	117
1 полубатарея легкой артиллеріи	75
1 полубатарея пѣшей артиллеріи	75
	2,903
Генераль-маіоръ графъ Ниродъ	
3 баталіона	2,367
8 эскадроновъ драгунъ	1,160
8 эскадроновъ милиціи Лорисъ-Меликова	896
1 батарея конной артиллеріи	132
1 полубатарея пѣшей артиллеріи	97
1 батарея пѣшей артиллеріи	183
	4,835
	Всего 42,416

Штурмовыя колонны получили приказаніе занять позицію, въ ночь съ 28 по 29 сентабря, у подошвы Шорахскихъ высотъ и держаться тамъ наготовѣ для штурма въ четыре часа утра. Генераль Майдель, командовавшій правою колонною, получилъ приказаніе, занявъ двумя ротами пѣхоты и одною легкою батареею гору Муха, устремиться противъ Ташмасскихъ линій; генераль Ковалевскій, командовавшій лѣвою колонною, долженъ былъ производить наступленіе на Ренниссонскія линіи. Колонна центра, подъ начальствомъ князя Гагарина, выждавъ въ позиціи, когда дѣло завяжется, должна была дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ. Наконецъ, резервы, подъ начальствомъ генерала Бриммера, оставались на Кучукъ-Кейскомъ мосту, позади горы Муха. Генералы Базинъ и Баклановъ должны были атаковать англійскія линіи съ сѣвера, а генераль графъ Ниродъ, подвигаясь въ Карсскую равнину, долженъ былъ сдѣлать съ южной стороны демонстрацію противъ нижней части укрѣпленнаго лагеря.

Сосредоточеніе русскихъ войскъ исполнилось безъ всякаго противодѣйствія со стороны Турокъ. Отдаленный шумъ ѣхавшихъ повозокъ, мерцаніе то тамъ, то сямъ фонарей,—все это было очень хорошо замѣтно ночью; но никто въ турецкомъ лагерѣ не приписывалъ тому большой важности: такъ всякій былъ увѣренъ, что Русскіе должны скоро отступить.

«Наканунъ еще не было замѣтно никакой переменѣны въ ихъ станѣ, пишетъ генераль Кмети (*). Вечеромъ, по обыкновенію, раздался пушечный выстрѣлъ, и снова водворилось повсемѣстное безмолвіе. Такъ прошла ночь. Но въ три часа нѣсколько человѣкъ, запыхавшись, вбѣжали въ мою главную квартиру, извѣщая о приближеніи Русскихъ. Отдавъ приказаніе по всей линіи безъ шума братья за оружіе, я отправился на аванпосты, чтобы собственными глазами убѣдиться въ точности полученныхъ донесеній. Ночь была свѣтлая, луна виднѣлась еще надъ горизонтомъ; но, несмотря на то, въ глубинѣ долины нельзя было различить предметовъ. Только огромныя темныя пространства представляли контрастъ съ окрестною почвою, — контрастъ, подобный тому, какой представляютъ вспаханныя поля посреди спѣлой ржи. Присматриваясь внимательнѣе, я замѣтилъ, что эти вспаханныя поля то останавливались, то подвигались впередъ. Я прилегъ ухомъ къ землѣ: она донесла до меня глухой и правильный шумъ, производимый шагами пѣхоты. Не оставалось никакого сомнѣнія, что Русскіе рѣшились атаковать насъ. И, дѣйствительно, вскорѣ я увидѣлъ двѣ сильныя колонны, направляющіяся одна на Чахмахскія линіи, другая — на Ренниссонскія. Последнія линіи составляли самую слабую часть нашихъ укрѣпленій: онѣ находились на наименѣе крутой сторонѣ плато и состояли изъ простаго вала со рвомъ впереди, тогда какъ часть флешы чахмахской, закрытой съ горжи, представляла войскамъ Гуссейна-Паши довольно надежный оплотъ для противодѣйствія атакующимъ, вслѣдствіе чего я удовольствовался отправленіемъ одного баталіона въ подкрѣпленіе Гуссейну-Паши, а у себя оставилъ другой баталіонъ и пять ротъ гвардейскихъ стрѣлковъ, назначая ихъ для защиты Ренниссонскихъ линій. Расположивъ ихъ за этими линіями, я выдвинулъ изъ резерва къ амбразурамъ три запряженныхъ орудія; остальные два были отправлены къ Юксекъ-Табія.

Пока я дѣлалъ эти распоряженія, непріятельскія колонны достигли уже подошвы высотъ. Разстояніе, раздѣлявшее насъ, было не болѣе тысячи двухсотъ шаговъ. Я приказалъ открыть огонь; пальба загремѣла по всей линіи. Русскіе отвѣчали продолжительнымъ ура и неустрашимо продолжали наступать подѣ

(*) A Narrative of the Defence of Kars on the 29 septembre 1855, by George Kmetz. London. 1856.

перекрестнымъ огнемъ артиллеріи и ручнаго оружія. Колонна, которая была у меня передъ глазами, употребила около получаса, чтобы вскарабкаться на скатъ, загроможденный огромнѣйшими скалами и обрушившимися каменьями, которые короновали вершины Ренниссонскихъ линій. Подойдя на полтораста шаговъ, люди, составлявшіе голову колонны, дали залпъ. Я вздохнулъ свободно: произошло нѣкоторое колебаніе въ непріятельскомъ войскѣ. Дѣйствительно, сомкнутость, до того времени вполнѣ сохраняемая колонною, казалось, въ эту минуту, поколебалась; однако, колонна остановилась всего только въ десяти шагахъ отъ рва. Наболѣе смѣлые бросились въ ровъ и даже полѣзли въ амбразуры. Послѣ борьбы въ упоръ, когда нашимъ пришлось обороняться каменьями, Русскіе принуждены были отступить, оставивъ множество убитыхъ и раненыхъ, такъ что въ одной кучѣ, на примѣръ, было до восьмисотъ труповъ. Стрѣльба съ нашей стороны была до того часта, что всѣ наши заряды были израсходованы и солдаты вынимали заряды изъ сумокъ Русскихъ, павшихъ передъ укрѣпленіями. Я поспѣшно собралъ своихъ людей, потому что счастье мало благопріятствовало намъ на лѣвой сторонѣ: въ эту минуту, прибылъ ко мнѣ адъютантъ Гуссейна-Паши съ извѣстіемъ, что генераль находится въ критическомъ положеніи.»

Между тѣмъ, какъ колонна генерала Ковалевскаго потерпѣла такую неудачу при штурмѣ Ренниссонскихъ линій, колонна генерала Майделя съ такою силою ударила на Ташмасскія линіи, что Гуссейнъ-Паша едва-едва успѣлъ броситься въ редутъ съ своими четырьмя баталіонами. Яныкъ-Мустафа-Бей, прибѣжавшій отъ форта Лекъ къ нему на помощь, со своими четырьмя ротами, чуть было, въ первую же минуту, не былъ взятъ въ плѣнъ. Онъ вынужденъ былъ укрыться за длинною стѣною, въ видѣ полукружія, которую турецкіе солдаты построили на концѣ лагеря для укрытія отъ вѣтра своихъ кухонь, и съ великимъ трудомъ защищался тамъ, пока Гуссейнъ-Пашѣ удалось, совершивъ храбрую вылазку, освободить его и увести съ собою въ Ташмасъ-Табіа. Черезъ нѣсколько времени, онъ также освободилъ и реиса Керимъ-Пашу, который, въ сопровожденіи четырехъ кавалеристовъ, бросился сквозь русскія войска, въ надеждѣ присоединиться къ своимъ. Этотъ храбрый воинъ не переставалъ съ той поры воодушевлять своимъ примѣромъ ташмасскихъ за-

щитниковъ. Одинъ верхомъ впереди редута, невозмутимо покуривая свой чубукъ, подъ градомъ пуль, онъ напоминалъ своимъ безстрашіемъ воиновъ героическихъ временъ Турціи. Впрочемъ, все, что могли сдѣлать войска Гуссейна-Паши, это—держаться подъ прикрытіемъ своихъ ретраншементовъ; но они не въ силахъ были остановить приливъ нападающихъ.

Ободренные первымъ успѣхомъ, русскіе баталіоны продолжали рѣшительно наступать и, перейдя часть ретраншементовъ, съ перваго раза ими взятую, атаковали редутъ съ горжи. Сильный отрядъ, направленный на Ярымайскій люнетъ, также охватилъ его сзади, вытѣснилъ оттуда Турокъ и преслѣдовалъ ихъ до редута Юксекъ-Табія. Въ то же время, колонна князя Гагарина полѣзла на выдавшуюся часть этого укрѣпленія со стороны долины. Безпорядокъ обнаружился между Турками. Они готовы уже были уступить, когда прибѣжалъ поручикъ Тисдель, и его появленія достаточно было для возбужденія мужества въ Туркахъ. Тогда, въ самой срединѣ редута, завязался рукопашный бой. Русскіе, показавшіеся было со всѣхъ сторонъ на валу, были опрокинуты. Овладевъ снова позицію, поручикъ Тисдель тотчасъ же приказалъ стрѣлять картечью. Юксекъ-Табія былъ спасенъ. Русскіе, однако, держались еще въ Ярымаѣ, откуда продолжали поддерживать огонь противъ Юксека.

Пока еще темнота ночи покрывала разныя случайности борьбы; но мало по малу ночной мракъ разсѣвался. Было около шести часовъ, когда солнечные лучи освѣтили мѣсто боя. Редуты Юксекъ и Ташмасъ-Табія исчезли посреди колоссальнаго столба дыма, непрерывно раздираемаго выстрѣлами артиллеріи и ручнаго оружія. Правая часть позиціи была уже совершенно очищена. Только груды мертвыхъ и раненыхъ указывали путь, по которому шли колонны генерала Ковалевскаго и князя Гагарина; въ долинѣ виднѣлись колонны, приводимыя въ порядокъ, подъ защитою своей артиллеріи. Но не то было съ лѣвою стороною: войска генерала Майделя совершенно окружили редутъ Ташмасъ. Остановленный огнемъ Турокъ, войска собрались кучами неподалеку за рвомъ и подвергались страшнымъ потерямъ. Огонь Турокъ и картечь ихъ артиллеріи производили широкія бреши въ рядахъ Русскихъ; несмотря на то, эти потери не могли заставить ихъ отступить ни на шагъ. Въ добавокъ еще, бомбы батареи, поставленной генераломъ Майделемъ на горѣ Муха,

производя пальбу по Ташмасъ, часто пролетали цѣль и лопа-лись въ рядахъ своего же войска, разсыпавшагося по плато. Но, тѣмъ не менѣе, Русскіе подавались впередъ. Казаки и Грузины устремились даже на главную квартиру генерала Кмети. Русское знамя развѣвалось на его палаткѣ. Вдали, на равнинѣ, гремѣла артиллерія генерала Нирода, отвѣчая батареямъ Кара-Дага, города и нижняго лагеря. Наконецъ, жаркая стрѣльба артиллеріи, частый ружейный огонь по направленію къ форту Лекъ возвѣщали о занятіи русскими англійскихъ линій.

Немного сопротивленія встрѣтили съ этой стороны генералы Базинъ и Баклановъ. Пользуясь пересѣченною мѣстностію и сумракомъ ночи, они безпрепятственно достигли англійскихъ линій. При видѣ русскихъ колоннъ, Ахметъ-Бей, командиръ Анатоійскаго полка, совсѣмъ растерялся и обратился въ бѣгство. Нѣсколько солдатъ попытались было защищаться; но другіе, обезкураженные примѣромъ своего начальника, искали спасенія въ фортѣ Лекъ. Но это постыдное бѣгство не спасло ихъ, а было причиною гибели подъ ударами казаковъ, которые, опередивъ Турокъ, нашли средства взобраться на валъ въ разныхъ мѣстахъ. Русская пѣхота заняла постепенно всѣ редуты; но ея численная слабость не позволила ей взять приступомъ фортъ Лекъ и вынуждала ограничиваться удержаніемъ занятыхъ позицій, выжидая исхода штурма со стороны Шораха.

Таково было положеніе обѣихъ армій на разсвѣтѣ дня. Съ одного взгляда, генералъ Кмети разсудилъ, что прежде всего слѣдуетъ совершенно освободить Ярымай и фланги Юсекъ-Табіи и, такимъ образомъ, постепенно дойти до Ташмасъ-Табіи. Съ этою цѣлью, ставъ во главѣ четырехъ ротъ пѣхотныхъ гвардейскихъ стрѣлковъ, онъ ударилъ съ ними на люнетъ Ярымай, которымъ и овладѣлъ, послѣ непродолжительнаго боя, потомъ, вскарабкавшись на противоположный скатъ, достигъ края флешы, вправо отъ редута Ташмасъ, вытѣснилъ оттуда Русскихъ и выдвинулъ сюда два запряженныхъ орудія изъ Юсекъ-Табіи. Въ то же время, счастливая судьба привела къ нему на подкрѣпленіе два баталіона пятаго Анатоійскаго полка. Эти баталіоны, подъ начальствомъ полковника Захарія-Бей, отличившагося уже при Кюрюкъ-Дере, дошли до той стѣны, которая служила прежде убѣжищемъ для Яныкъ-Мустафа-Бей, приблизились до генерала Кмети, который и расположилъ ихъ позади

наружной части бруствера. Такимъ образомъ, положеніе обѣихъ армій измѣнилось въ большую невыгоду для Русскихъ. Всѣ силы ихъ были стянуты на террасѣ позади Ташмасскихъ линій и, въ одно и то же время, терпѣли и отъ огня войскъ Гуссейнъ-Паши и отъ огня орудій большого калибра, которыми вооружены были фортъ Лекъ, Чимъ-Табія и укрѣпленія на равнинѣ. Съ невѣроятнымъ упорствомъ русскіе солдаты держались на краяхъ редута; укрываясь за палатками, они заряжали свои ружья, потомъ подходили на разстояніе пистолетнаго выстрѣла и стрѣляли въ Турокъ, пока наконецъ сами находили смерть. Такимъ образомъ, у каждаго шатра лежало десять и двѣнадцать труповъ; но личная храбрость солдатъ ничего не могла рѣшить. Несвязныя усилія начальниковъ взять штурмомъ редутъ причиняли однѣ только страшныя потери, не доставляя никакихъ выгодъ. При самомъ началѣ дѣйствій, генералъ Майдель былъ раненъ пулею въ руку; однако, онъ все время оставался впереди своихъ солдатъ, до тѣхъ поръ, пока не получилъ тяжелую рану пулею въ грудь. Команду послѣ него долженъ былъ принять командиръ Мингрельскаго егерскаго полка, полковникъ Серебряковъ; но и онъ былъ раненъ. Тогда его замѣнилъ командующій Кавказскимъ Гренадерскимъ полкомъ, князь Тарханъ-Моуравовъ. Схвативъ знамя, онъ повелъ баталіонъ и ближайшія роты карабинеръ къ первому редуту. Атакующіе добѣжали уже до рва, но, послѣ тщетныхъ усилій влѣзть на валъ, принуждены были отказаться отъ своего предпріятія. Пришлось просить подкрѣпленія у главнокомандующаго, который послалъ къ нимъ одинъ за другимъ четыре баталіона изъ резерва; но эти подкрѣпленія нисколько не измѣнили положенія дѣла. Прислуга двухъ батарей, изъ колонны генерала Майделя, успѣла поднять свои орудія на террасу; но гребень, на которомъ построены былъ редутъ, господствовалъ надъ всею окрестностію, и потому русскія орудія не могли съ успѣхомъ отвѣчать на огонь Турокъ, которые, будучи совершенно прикрыты въ своихъ укрѣпленіяхъ, пѣлили навѣрняка. Желая, во что бы ни стало, покончить дѣло, главнокомандующій послалъ еще подкрѣпленіе изъ четырехъ баталіоновъ, подъ командою генерала Броневскаго. Атака возобновилась по всей линіи; но, въ ту же минуту, генералъ Броневскій былъ тяжело раненъ. Командиръ Рязскаго полка, полковникъ Ганецкій, принялъ команду. И онъ также схватилъ знамя

своего полка, довелъ своихъ солдатъ до самаго рва; но и ему, такъ же, какъ и его предшественникамъ, не удалось проникнуть въ редутъ. Ганецкій былъ раненъ. Полковникъ Москалевъ, замѣнившій его, былъ убитъ. Лишенные всѣхъ своихъ частныхъ начальниковъ, офицеры и солдаты, тѣмъ не менѣе, держались въ занятыхъ ими позиціяхъ. Нѣсколько разъ бросались они съ яростію то на Тапмасъ-Табію, то на Юксекъ-Табію и вездѣ были отбиты. Такія бесплодныя усилія, неоднократно повторяемыя, произвели наконецъ безпорядокъ въ рядахъ Русскихъ. Ободренные успѣхомъ обороны, Турки рѣшились выйдти изъ форта Лекъ. При одной изъ вылазокъ, имъ удалось даже отрѣзать одинъ баталіонъ Рязанскаго полка, направлявшагося, подъ командою полковника Кауфмана, на Юксекъ-Табію. Этотъ баталіонъ, ослабленный уже неудачною попыткою, обстрѣливаемый со всѣхъ сторонъ артиллеріею Тчахмахской и Шорахской линій, окруженный Турками, находился въ самомъ критическомъ положеніи. Но для солдатъ Кавказской арміи не можетъ быть и рѣчи о сдачѣ. Отчаянная рѣшимость спасла ихъ. Полковникъ Кауфманъ, слыша вдали артиллерію генерала Базина, рѣшился быстро двинуться черезъ террасу, на соединеніе съ нимъ. Дойдя до гребня, онъ наконецъ увидѣлъ отрядъ генерала Базина, въ эту самую минуту производившаго отступленіе. Одинъ раненый казакъ, сидя на раненой лошади, пожертвовалъ собою для спасенія своихъ несчастныхъ товарищей. Ему удалось проскакать пространство до генерала Базина, который остановился и присоединилъ къ себѣ этихъ храбрецовъ, изъ которыхъ осталась только горсть. Въ половинѣ одиннадцатаго, восемнадцать баталіоновъ были введены въ дѣло; свѣжихъ войскъ въ резервѣ оставалось только три баталіона. Два изъ нихъ были ввѣрены генералу Бриммеру, который, по приказанію главнокомандующаго, долженъ былъ, если возможно, еще разъ попытаться овладѣть редутами; въ противномъ же случаѣ, если бы это имъ призналось невозможнымъ, начать немедленно отступленіе. 7,000 убитыхъ и раненыхъ, покрывшихъ шорахскіе скаты, достаточно свидѣтельствовали о геройскихъ усиліяхъ, сдѣланныхъ Русскими для овладѣнія этими линіями. - Оставалось отступить, и генераль Бриммеръ началъ отступленіе. На горѣ Муха были расположены два свѣжіе баталіона, для прикрытія движенія. Тогда различныя колонны стали спускаться по южному скату къ Кучукъ-

кейскому мосту, уводя съ собою раненыхъ, артиллерію и два орудія, взятыя ими въ люнетъ на оконечности лѣваго фланга. Начальники турецкой арміи не осмѣлились преслѣдовать Русскихъ, а предоставили своимъ солдатамъ, по восточному обычаю, выражать радость, по случаю неожиданнаго успѣха. Стрѣлки Арабистана, большею частію горцы зебекскіе, исполнили свой національный танецъ на трупахъ враговъ, при пріятныхъ и грустныхъ звукахъ флейтъ.

Турки, все время сражавшіеся за закрытіемъ, потеряли только 1,094 человѣка; потеря же Русскихъ простиралась до 7,059 человѣкъ. Почти вся эта потеря обрушилась на пѣхоту, которая, такимъ образомъ, лишилась четверти наличнаго числа людей. Полкъ кавказскихъ гренадеръ лишился 1,270 человѣкъ убитыми и ранеными; изъ Эриванскаго карабинернаго полка выбыло 962 человѣка, изъ Бѣлевскаго егерскаго полка—992. «Русская пѣхота—говоритъ генераль Кмети—выказала до конца величайшую неустрашимость; но все дѣло въ цѣломъ было ведено безъ глубокихъ соображеній, на авось. Русскій главнокомандующій, полагая, безъ сомнѣнія, что горжа ташиасской флеша была не сожжута, основывалъ свой планъ штурма именно на этомъ предположеніи и, повидимому, ни на минуту не опасался возможности неудачи. Встрѣтивъ непредвидѣнную преграду, онъ не измѣнилъ своихъ первоначальныхъ распоряженій и упорствовалъ въ намѣреніи буквально схватить быка за рога.» (*)

Къ вечеру, русская армія скрылась. Турки еще разъ возымѣли надежду видѣть ея отступленіе въ Грузію, послѣ такой неудачи. Ихъ взоры непрерывно допрашивали горизонтъ. Малѣйшій обозъ, малѣйшая колонна марширующихъ солдатъ казались имъ уже сигналомъ освобожденія; но это было только кратковременнымъ заблужденіемъ. Надо было покориться очевидности. Гарнизонъ былъ обложенъ тѣснѣе, нежели когда нибудь, и, повидимому, главнокомандующій рѣшился, въ случаѣ необходимости, провести всю зиму подъ Карсомъ. Такъ какъ стужа съ каждымъ днемъ становилась чувствительнѣе, то онъ приказалъ выстроить для своего войска деревянные бараки вмѣсто и на мѣстѣ палатокъ. Эти бараки, истинное чудо посреди го-

(*) Мы приводимъ здѣсь мнѣніе генерала Кмети, но не можемъ судить о вѣрности его взгляда, потому что никакъ не могли добыть отъ Русскихъ другихъ свѣдѣній, кромѣ оффиціальнаго донесенія главнокомандующаго Муравьева.

лыхъ степей, образовали правильно разбитые города. Широкия трубы поддерживали чистый воздухъ и теплоту въ солдатскихъ жилищахъ; а офицерскіе бараки были даже освѣщены посредствомъ оконъ со стеклами. Артиллерійскія и кавалерійскія лошади содержались въ конюшняхъ. Что касается до казацкихъ лошадей, то онѣ и дни ночи проводили на пикетахъ, не боясь суровой зимы, благодаря густой шерсти своей. Дороги, погребенныя подъ снѣгомъ, были помѣчены вѣхами до самаго Гумри; огромные обозы ежедневно подвозили въ разные лагеря съѣстные припасы, фуражъ, дрова. Солдаты одѣлись въ овчинные полушубки. Благодаря этимъ попеченіемъ, они, повидимому, вовсе не обращали вниманія на стужу, все болѣе и болѣе увеличивавшуюся. Бдительность же ихъ усиливалась: каждую ночь подходили они къ крѣпостному валу, завязывали дѣло и этими тревогами заставляли осажденныхъ день и ночь оставаться подъ ружьемъ. Казалось, все сговорилось вмѣстѣ, чтобъ рушить постоянство Турокъ: и утомленіе, и холодъ, и голодъ, и даже жажда, потому что источники всѣ замерзли и рѣка исчезла подъ толстымъ слоемъ льда. Пришлось еще уменьшить пищу солдатъ. Она состояла уже только изъ двухъ пятыхъ частей обыкновенной дачи хлѣба. Эти несчастные, чтобъ утолить свой голодъ, ѣли траву, корни которой вырывали въ поляхъ вокругъ города. (*) Они уже были совершенными скелетами; ихъ лица, черныя какъ уголь, кожа, обтягивавшая только кости, невѣрная походка, глухой и едва слышный голосъ,—все это свидѣтельствовало о страшныхъ опустошеніяхъ, которыя голодъ производилъ между ними. Жители и солдаты падали мертвыми въ палаткахъ, домахъ, на улицахъ, въ оградахъ лагеря. Госпитали были переполнены. Двѣ тысячи человекъ погибли отъ истощенія. Надо было имѣть желѣзную душу полковника Вилліамса, чтобъ устоять при видѣ такого ужаснаго зрѣлища, окружавшаго его. Толпы старухъ осаждали его жилище, и раздирательные вопли ихъ доходили даже до залы совѣта. Бѣдныя матери клали къ его ногамъ своихъ дѣтей, говоря: «Позаботьтесь сами о нихъ: у насъ нѣтъ хлѣба, чтобы накормить ихъ». И гибель всего народонаселенія была бы неизбѣжна, еслибъ Вилліамсъ не дѣлился съ нимъ

(*) Это не преувеличеніе: докторъ Сандвичъ упоминаетъ объ отравленіи двадцати человекъ, которые думали найти питательную пищу въ корнѣ, называемомъ *Husciamus niger*.

своимъ послѣднимъ продовольствіемъ. Несмотря на всѣ эти бѣдствія, сила предрасудка въ этой странѣ такъ велика, что никто не хотѣлъ даже прикоснуться къ мясу лошадей, которыхъ Вилліамсъ приказывалъ убивать на бульонъ для больныхъ; да и больные принимали эту пищу только благодаря невинной хитрости докторовъ, предписывавшихъ имъ эту пищу подъ видомъ лекарства. «Мы стараемся для султана, а султанъ не заботится о насъ»—вотъ была единственная жалоба, вырываемая у солдатъ жестокими страданіями: они чувствовали себя покинутыми. Съ того дня, когда посланный отъ Омера-Паши прибылъ съ извѣстіемъ о сосредоточеніи армии сердаря на Чорокъ, они не получали уже никакихъ извѣстій объ этомъ генералѣ, да и самое расположеніе Русскихъ показывало, какъ они мало заботятся объ его движеніяхъ. Въ дѣйствительности же Омеръ-Паша и не покидалъ береговъ Чернаго моря; а чтобъ достигнуть освобожденія карскаго гарнизона, не подвергая себя выстрѣламъ Русскихъ, онъ сдѣлалъ самый баснословный исходъ, когда либо упоминаемый въ исторіи.

III.

Чтобы быть справедливыми къ *сердарь-экрему*, мы должны сознаться, что онъ давно уже запутался въ своихъ планахъ, по обстоятельствамъ, совершенно отъ него не зависящимъ. Еще въ іюль, онъ отнесся къ союзнымъ главнокомандующимъ съ письмомъ, которое считаемъ необходимымъ привести здѣсь.

«Омеръ-Паша къ генераламъ Пелисье и Симпсону.

Главная квартира въ долинѣ англійскихъ моряковъ, 12 іюля 1855 года.

«Ваше превосходительство.

«Я имѣлъ честь получить письмо отъ вашего превосходительства и отъ главнокомандующаго англійскою арміею.

«Спѣшу увѣдомить васъ, что вчера, послѣ того, какъ была отправлена мною къ вашему превосходительству нота отъ 11 іюля, я получилъ отъ моего правительства депешу, которою оно увѣдомляло меня: что всей Азіятской Турціи грозитъ опасность, даже до самыхъ воротъ Константинополя, и что каждый часъ

въ высшей степени дорогъ, настоятельно убѣждаетъ меня найти средства и привести въ исполненіе необходимыя мѣры для устраненія величайшей опасности, въ которой находятся правительство, Турція и, слѣдовательно, дѣло союзниковъ.

«Въ такихъ обстоятельствахъ, имѣя въ Крыму 60,000 Турокъ, большею частію изъ Азіи, семейства и достояніе которыхъ подвергается опустошенію непріятелей, и находя, что эта армія остается въ Крыму въ бездѣйствіи, да и не предвидится для нея никакой вѣроятности непосредственнаго дѣйствія, я считаю своимъ долгомъ, въ отношеніи моего государя и общаго дѣла, возобновить вамъ предложеніе, сдѣланное мною въ нетѣ отъ 11 іюля. Такъ какъ это обстоятельство выставляется моимъ правительствомъ, какъ дѣло крайней важности, то я и намѣреваюсь завтра прибыть въ главную квартиру англійскую, въ четыре часа по полудни, и покорнѣйше прошу васъ пожаловать для конференціи.» (*)

Два плана были предложены. По мнѣнію лорда Кларендона, самый простой способъ будетъ высадить турецкую армію въ Трбизондъ, а оттуда отправить въ Арзерумъ и Карсъ. Сердаръ же съ живостію настаивалъ на диверсію въ Грузію. По полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, выполненіе этого плана, говорилъ онъ, не представляло никакихъ серьезныхъ затрудненій.

Страна, лежащая между цѣпью Алагеза и Кавказскихъ горъ, рздѣлена вѣтвью этихъ послѣднихъ на два бассейна; воды ихъ изливаются на востокъ и на западъ въ рѣки Куру и Ріонъ, которыя несутъ свою дань одна въ Каспійское море, а другая—въ Черное. Туркамъ надлежало высадиться при устьѣ Ріона, идти вверхъ по теченію его до самыхъ горъ и, такимъ образомъ, вступить въ ущелье Сурамское, прямой входъ въ бассейнъ Куры. Одно появленіе ихъ, при входѣ въ эту долину, вынудило бы генерала Муравьева снять осаду Карса и спѣшить на защиту Тифлиса. Никакое существенное препятствіе не могло бы затруднить выполненіе этого плана. Большая дорога, проведенная Русскими отъ порта Редуть-Кале до Тифлиса, представляла свободный доступъ турецкой арміи, позволяя ей дойти до Кутаиса въ восемнадцать часовъ. Кутаисъ, лежащій на поль-до-

(*) Это письмо написано очень неправильно на французскомъ языкѣ и представлено въ оригиналѣ англійскому парламенту.

рогъ до Сурамскаго ущелья, долженъ былъ сдѣлаться основаніемъ дѣйствій. Климатъ тамъ здоровѣе, чѣмъ на болотистыхъ берегахъ Чернаго моря. Правда, край этотъ не представлялъ большихъ средствъ; но Ріонъ судоходенъ до самаго Маграна, селенія неподалеку отъ Кутаиса, стало быть продовольствіе, подвозимое флотомъ, можно бы удобно доставлять этимъ путемъ. Таковы были причины, на которыя опирался Омеръ-Паша, давая предпочтеніе диверсіи въ Грузію. Впрочемъ, и тотъ и другой планы были отложены на эту минуту, потому что генералъ Пелисье, повидимому, мало заботившійся о бѣдствіяхъ Турокъ, объявилъ, что присутствіе контингента подъ начальствомъ Омера-Паши въ Крыму необходимо для него. Лордъ Коулей, по этому случаю, принялъ на себя посредничество передъ императоромъ французскимъ; но всѣ его старанія были безуспѣшны. Въ отчаяніи отъ такой непріятной помѣхи, лордъ Стратфордъ употребилъ всевозможныя старанія, лишь бы добыть 25,000 человекъ, требуемыхъ сердаремъ. Къ несчастію; истощеніе Турокъ въ людяхъ и въ деньгахъ было совершенное. Надо было подождать взятія Севастополя. Генералъ Пелисье упорно держался своей идеи: въ первое время, онъ рѣшительно не хотѣлъ уступить Омору-Пашѣ болѣе трехъ егерскихъ баталіоновъ и только въ концѣ сентября согласился на отправленіе въ Азію корпуса въ 16,000 человекъ. Омеръ-Паша, съѣздившій въ Константинополь, въ промежутокъ этого времени; потомъ въ болгарскую армію, имѣлъ уже 15,000 человекъ, готовыхъ сѣсть на суда въ Сизополѣ. Съ войсками, составлявшими батумскій гарнизонъ, у него было 40,000 человекъ — цифра гораздо выше той, которую онъ первоначально просилъ. Есть, однако, причины думать, что рѣшимость, дотолѣ имъ выказываемая, ослабѣла; когда наступила пора дѣйствовать; по крайней мѣрѣ, попавъ въ Азію, онъ сталъ распорядиться съ непостижимой медленностію.

Карсскій гарнизонъ доведенъ былъ до послѣдней крайности. Для спасенія его, нельзя было терять даже ни одного дня. А что же вышло? вмѣсто того, чтобы высадиться въ Редутъ-Кале и потомъ быстро идти на Кутаисъ, сердарь вдругъ измѣняетъ планъ и рѣшается принять основаніемъ дѣйствій Сухумъ-Кале, портъ, лежащій въ двадцати миляхъ болѣе къ сѣверу: такимъ образомъ, онъ увеличиваетъ вдвое переходъ къ Кутаису:

Одна уже эта ошибка рѣшила участь кампаніи; но это еще не все. Разъ вступивъ въ Сухумъ-Кале, сердаръ теряетъ тамъ цѣлый мѣсяцъ. Неудовольствіе, возбужденное въ Константинополѣ его дѣйствіями, не позволяетъ ему болѣе откладывать начало дѣйствій. Омеръ-Паша принимаетъ рѣшимость и 1 ноября соединяетъ наконецъ съ главными силами свой авангардъ, выдвинутый къ селенію Эртичали, неподалеку отъ Ингура. Тутъ у него находилось подъ командою 32 баталіона пѣхоты, 4 баталіона пѣшихъ стрѣлковъ, 1,000 человекъ конницы, 27 орудій, 10 горныхъ гаубицъ, всего до 30,000 человекъ. Русскіе расположились защищать переходъ черезъ рѣку при бродѣ Руки, гдѣ они и возвели батареи, обстрѣливавшія бродъ; но у нихъ было только 7 баталіоновъ линейной пѣхоты, 3,000 милиціонеровъ и беспорядочная толпа вооруженныхъ туземцевъ. Несмотря на неравенство силъ, сердаръ не осмѣлился пуститься въ бродъ въ виду непріятели и рѣшилъ маневрировать. Чтобы замаскировать задуманное движеніе, онъ приказываетъ возвести 2 батареи напротивъ позиціи, занятой Русскими. Эти батареи открываютъ огонь 6 ноября. Сердаръ оставляетъ на этомъ пунктѣ бригаду, назначенную для прикрытія батарей, а самъ спускается съ главными силами внизъ по теченію рѣки. Покровительствуемый лѣсами, покрывающими край, онъ доходитъ, никѣмъ не замѣченный, до брода Коки. Тутъ онъ занимаетъ позицію на длинномъ островѣ, раздѣляющемъ рѣку на два рукава, и старается перейти оную подъ огнемъ двухъ русскихъ баталіоновъ и батарей въ шесть орудій, расположенной на противоположномъ берегу. Цѣлый день проходитъ въ перестрѣлкѣ. Наконецъ открыты два брода на концахъ острова. Бригадѣ Османа-Паши удается достигнуть противоположнаго берега, съ потерю около 50 человекъ. Въ то же время, майоръ Симонсъ, англійскій офицеръ, отряженный къ сердарю, проходитъ по другому броду и, никѣмъ не замѣченный, неожиданно нападаетъ на Русскихъ, которые принуждены отступить, оставивъ 3 орудія. Это дѣло стоитъ Туркамъ 310 человекъ убитыми и ранеными. Несмотря на незначительность такой потери, сердаръ считаетъ необходимымъ дать своей арміи двухдневный роздыхъ. 9 ноября, онъ рѣшается снова начать свое движеніе и приходитъ въ Цугдиди, большую деревню, лежащую въ 12 верстахъ отъ Коки и въ 4 отъ Руки. Послѣ такого усилія, онъ даетъ

своей арміи 5 дней для отдохновенія. Рекогноспировки, производимыя имъ въ промежуткахъ этого времени, дали ему свѣдѣніе, что Русскіе совершенно очистили край. Послѣ этого, кажется, уже слѣдовало бы идти прямо по дорогѣ, ведущей въ Кутаисъ. Сердарь поступилъ иначе: при выходѣ изъ Цугдиди, 15 ноября, онъ бросается направо, придвигаясь тѣмъ къ морю. Наконецъ, 17 ноября, онъ достигаетъ до Тифлисской дороги и, послѣ 17-дневной кампаніи, очутился въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія отъ Редуть-Кале.

Англійская корреспонденція, такая ясная, такая подробная, когда дѣло идетъ о всемъ касающемся до другихъ генераловъ, разбираетъ съ чрезвычайною осторожностію дѣйствія Омера-Паши. Мы находимъ въ ней одну только депешу маоріа Симонса, да и эта депеша, кажется, простая апологія дѣйствій Омера-Паши, объясняетъ намъ, что такимъ ученымъ переходомъ сердарь захватилъ съ тыла укрѣпленія, возведенныя Русскими по дорогѣ, впереди Редуть-Кале, да еще прибавляетъ очень некстати, что Русскіе пренебрегали сопротивленіемъ, которое могли бы оказать турецкой арміи. «Непріятели—пишетъ Симонсъ—покинули край, сожгли свою военную флотилію на Ріонѣ, свои магазины и учрежденія. Все доказываетъ, что они не станутъ ждать насъ въ Кутаисѣ. Развѣ только переходъ черезъ Ченисъ-Цхаль они будутъ защищать, чтобъ своевременно убрать обозы, больныхъ и раненыхъ.»

Не имѣя причинъ падить сердаря, мы не обинуясь скажемъ, что причины, выставляемыя маіоромъ Симонсомъ, совсѣмъ не кажутся намъ убѣдительными. Овладевъ Тифлискою дорогою и тѣмъ обезпечивъ себѣ сообщеніе съ Батумомъ и Редуть-Кале, идетъ ли сердарь быстрѣе впередъ? Ничуть; онъ занимаетъ позицію на берегахъ Такура и остается тамъ на двѣ недѣли, наконецъ дождался того, что погода, до сихъ поръ весьма благопріятная, перемѣнилась въ дождливую, и 2 декабря, когда Омеръ-Паша отдаетъ наконецъ приказаніе выступить, сдѣлалась страшная буря, и, какъ это не могло быть иначе, въ такое время года, на каждомъ шагу путь его преграждается разлитіемъ водъ. Достигнувъ до береговъ рѣки Ченисъ-Цхаль, раздѣляющей Имеретію отъ Мипгреліи, онъ находитъ ее до того переполненной отъ дождя, что четыре дня принужденъ ждать переправы черезъ

рѣку. Наконецъ сердаръ получаетъ извѣстіе о сдачѣ Карса. Тогда ужъ каждую минуту можно было ожидать появленія здѣсь генерала Муравьева, и турецкая армія получаетъ тотчасъ же сигналъ къ отступленію. «Это отступленіе—пишетъ Англичанинъ Лауренсъ Олифантъ(*)—совершается въ полномъ безпорядкѣ: всѣ бѣжали взапуски къ морскому берегу, при чемъ наши оказали такую ревность, какой до того никто и въ нихъ и не подозрѣвалъ. Безпорядокъ былъ страшный, и появленія какой нибудь тысячи казаковъ достаточно было бы, чтобы это отступленіе обратилось въ полное пораженіе.»

Генералиссимусъ оттоманскихъ войскъ не могъ избѣгнуть позора за такое недостойное оставленіе карскаго гарнизона. Полковникъ Вилліамсъ однимъ словомъ клеймитъ его поведение: «Я держался до тѣхъ поръ, пока не узналъ, что Омеръ-Паша высадился въ Сухумъ-Кале»(**). Вилліамсъ получилъ это извѣстіе 24 ноября и въ ту же минуту, созвавъ всѣхъ турецкихъ генераловъ, объявилъ имъ, что всякая надежда на помощь потеряна и что имъ остается только сдаться. Всѣ были согласны съ этимъ мнѣніемъ, и тогда, будучи уполномоченъ муширомъ, полковникъ отправился къ главнокомандующему Муравьеву. Русскій генералъ принялъ его вѣжливо, но объявилъ, что намѣренъ всѣхъ защитниковъ крѣпости считать военноплѣнными, принадлежатъ ли они къ *низаму*, или *редифу*, или къ иррегулярному войску. Полковникъ Вилліамсъ настойчиво ходатайствовалъ о *редифахъ*, которые, принадлежа къ резерву и оставляя свои семейства безпомощными, заслуживали особеннаго участія. Онъ добился до того, что свобода будетъ возвращена всѣмъ людямъ, которые не составляютъ части низама. Капитуляція была подписана съ этимъ условіемъ 27 ноября 1855 года. Вѣсть о томъ скоро распространилась по городу. Для всѣхъ это была жестокая минута. Солдаты, жители, даже женщины, въ избыткѣ чувствъ патріотической горести, забыли о своихъ долговременныхъ страданіяхъ: Сдаться гяурамъ было глубокимъ униженіемъ для племени, на-

(*) The Trans-Caucasian campaign of the Turkish army under Omer-Pacha, by Lawrence Oliphant. London. 1856.

(**) Мы замѣтили уже, что выборъ Сухумъ-Кале, лежащаго на двадцать миль выше къ сѣверу отъ Редутъ Кале, навлекалъ невольныя замедленія, препятствовавшія выполнить цѣль предпріятія: освобожденіе Карса.

селявшаго Карсъ—самаго фанатическаго и воинственнаго племени, которое, ведя безпрерывную борьбу съ Персіянами и Грузинами, говорило само о себѣ: «Одинъ житель Карса стоитъ двухъ жителей Ахалциха и трехъ Эриванцевъ». Собравшись на площади, жители выражали свои чувства со спокойствіемъ востока, но, тѣмъ не менѣе, горестъ была дѣйствительною.

«Великъ Аллахъ!—воскликали они.—Но можетъ ли это быть? Гяуры у нашихъ воротъ и оружіе выпадаетъ изъ рукъ нашихъ! Зачѣмъ мы не погибли въ день штурма? По крайней мѣрѣ, мы предстали бы предъ всемогущимъ, очищенные отъ нашихъ грѣховъ, и наши глаза не видали бы торжества нашихъ враговъ!» Женщины громко рыдали. Солдаты ломали свое оружіе, обвиняя своихъ пашей и даже султана. Ярость свою изливали они въ проклятіяхъ, которыхъ прежде никогда не осмѣливались произносить, даже въ минуты величайшихъ бѣдствій.

«Въ эту минуту—пишетъ докторъ Сандвичъ—полковникъ Виліамсъ явился на площади. Всѣ бросились къ нему, окружили его, цѣлуя его стремена и призывая благословеніе Аллаха на голову мужественнаго защитника Карса.»

— «Куда вы отправляетесь, нашъ паша?—кричали они ему. Я долженъ оставить васъ—отвѣчалъ онъ—я плѣнникъ!»—«Не покидайте насъ, нашъ паша! Мы послѣдуемъ за вами всюду. *Вай, вай*, неужели наступилъ послѣдній часъ ислама?»

28 ноября, послѣдніе солдаты анатолійской арміи положили оружіе. Съ той поры, снѣга, завалившіе скаты Арарата, были единственною преградой, останавливавшю Русскихъ. Къ счастью, восточная война приходила уже къ концу. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Россія, подъ внушеніемъ союзниковъ, подписала условія мира и возвратила Карсъ его прежнимъ владѣтелямъ.

Не пробилъ еще послѣдній часъ Турціи.

Однако, мы не можемъ забыть, что основная причина бѣдствій Турецкой имперіи все еще существуетъ. Эта причина, въ нашемъ разсказѣ, ярко выдается на каждой страницѣ; она и теперь все та же, что была въ XVI столѣтіи, только съ каждымъ днемъ укореняется прочнѣе, проявляется дѣятельнѣе, постыднѣе и уже возвѣщаетъ конецъ разложенію. Не призваны ли мы видѣть исполненіе судебъ, предсказанныхъ Оттоманской имперіи однимъ изъ довѣренныхъ лицъ Солимана Великаго, т. XVIII. Отд. II.

Шемси-Пашою? «Наконецъ мщеніе у меня въ рукахъ—сказалъ кіаю Али-Паши, этотъ послѣдній потомокъ династіи Кизиль-Ахмедлу—поколѣніе Оттомана низвергло мое поколѣніе съ трона; въ свою очередь, и я доведу его до гибели.»—«Какимъ же образомъ? спросилъ его кіаія.—«Заставивъ самого султана принять участіе въ общей испорченности, овладѣвшей уже нами. Я отсчиталъ ему сорокъ тысячъ дукатовъ—я подлилъ ему яду, чаша выпита, и наступитъ день, когда имперія обратится въ гниль.»

(Saint Priest, duc d'Almazan.)

ПЕР. НИКОЛАЙ СЕССОРЕВЪ.